

Иван Гудюнов

Поручик Ржевский и дама-вампиры

Иван Гамаюнов
Поручик Ржевский
и дама-вампи́р

Серия «Гусарский детектив», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69279796

SelfPub; 2023

Аннотация

Летом 1826 года к поручику Ржевскому, скучающему в деревне, приезжает бледный господин, похожий на упыря. Этот «упырь» очень хочет купить у поручика дворовую девку Полушу и весьма обижается, услышав отказ, а вскоре Полуша исчезает. Время начинать поиски! И очень кстати, что у соседей Ржевского гостит его давняя знакомая – девица Тасенька, которая рада помочь в раскрытии новых тайн. В упырей Тасенька не верит и готова разоблачать мифы даже после того, как Ржевский знакомится с женой бледного господина. Кожа у этой дамы так же бледна, как у мужа, а зубки очень острые. Однако, несмотря на зубки, дама эта приятна во всех отношениях, чарует своей красотой, будто колдунья, и в таких обстоятельствах Ржевскому очень трудно вести расследование.

Содержание

Глава первая,	4
Глава вторая,	40
Глава третья,	79
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Иван Гамаюнов Поручик Ржевский и дама-вампи́р

Глава первая,

*в которой герой, скучая в деревне,
вдруг сталкивается с чертовщиной*

Летняя ночь в тверском краю тиха и безмятежна. Молчаливо и задумчиво глядит с небес месяц, заливая серебряным светом дремучие леса и широкие поля. Бесшумно струится извилистая речка, мирно спит деревня Горелово. До поры ничто не нарушает всеобщего безмолвия. И даже в барской усадьбе, стоящей неподалёку от деревни, как будто тишина.

Время давно перевалило за полночь. Петух в барском курятнике раздумывает, пора ли петь первую песню. Вот он встрепенулся, расправил крылья, но в последнее мгновение поперхнулся собственным криком, потому что в ночной тишине раздался громовой мужской голос:

– Ну что, неприятель, сдаёшься?!

Ему отвечал женский, полный сладкой истомы:

– Ой, сдаюсь!

Барская кухарка Маланья, разбуженная этими криками, зевнула и повернулась на другой бок – досыпать. Ей встать только со вторыми петухами, чтобы тесто ставить. А пока можно дрыхать, ведь не происходит ничего из ряда вон.

С тех пор, как барин вышел в отставку и поселился в усадьбе, крики и стоны разносятся по округе чуть не каждую ночь. А кто из дворовых девок в этот раз ночует у барина, по голосу легко понять. Это Полушка, бесстыдница! Видать, опять в Наполеона и Кутузова играют.

Меж тем поочерёдные стоны Наполеона и Кутузова никак не давали Маланье заснуть. Уж очень было громко.

– Что, неприятель? Мирного договора хочешь? – спросил Кутузов.

– Ой, хочу! – воскликнул Наполеон.

– А вот нет! – ответил Кутузов. – Будем дальше воевать.

– Ой, пощади! – повизгивая от удовольствия, кричал Наполеон. – Ой, сил нету!

Наконец всё успокоилось. Серебристый месяц побледнел, готовясь спрятаться за кромку тёмного леса. На востоке небо посветлело. Запели вторые петухи, которым никто не мешал. Приближался новый день, от которого владелец деревни и усадьбы, отставной поручик Александр Аполлонович Ржевский, не ждал ничего особенного. А напрасно!

Поручик Ржевский проснулся по обыкновению поздно – только когда солнце, светившее в окно, угодило лучом прямо в глаз. Второй глаз был скрыт чёрной повязкой, которую Ржевский, ночью изображая Кутузова, позабыл снять – так и уснул в ней.

Избавившись, наконец, от повязки и кинув её на стул, стоявший возле кровати, поручик обнаружил, что Полуша уже ушла. На спинке стула висел аккуратно сложенный серый сюртук Наполеона, а на сиденье лежала наполеоновская шляпа. Самой Полуши и обычной её одежды нигде не было.

Ржевский потянулся и крикнул:

– Ванька!

Дверь приотворилась и в комнату просунулась белобрысая голова лакея. На загорелом лице светлые брови и намекающие усики казались совершенно белыми.

– Чего изволите, барин?

– Одеваться.

Ржевский, хоть и будучи в отставке, предпочитал носить военную форму, поэтому Ванька помимо чистой рубашки подал барину синие рейтузы с жёлтыми лампасами и начищенные до блеска сапоги.

Одевшись, поручик отправился на речку купаться, чем доставил немалое удовольствие деревенским бабам, как раз полоскавшим там бельё. Засмотревшись на купающегося барина, одна даже упустила мужнины порты, и они так и уплыли, став своеобразной жертвой Амуру.

Пусть Ржевский был рыжим, что по деревенским меркам считалось недостатком, но высокая статная фигура и прочие мужские достоинства производили на женский пол просто неизгладимое впечатление.

Именно поэтому все те барские поступки, которые в иных деревнях крестьянки считали бы произволом, в деревне Горелово назывались «баловство», и многие такому баловству потакали.

Зная об этом, поручик вылез из воды, поздоровался с бабами, а затем оделся (если сначала одеться, а после поздороваться, то эффект не тот) и отправился в усадьбу.

После купания его, как обычно, ждал завтрак, а после – конная прогулка, хотя никто из дворни не мог наверняка сказать, что подразумевал барин, когда говорил, что ему надобно «выгулять своего жеребца». В седло-то барин садился, но далеко от деревни не отъезжал – кружил по ближайшим полям и лугам, высматривая что-то.

И вот тогда, когда Ржевский, окончив завтрак, вытер усы салфеткой и вышел на крыльцо, намереваясь сесть в седло, к воротам барской усадьбы подкатила незнакомая коляска с поднятым верхом. Никаких гостей поручик не ждал, однако подумал, что приехавший (кто бы он ни был), возможно, привёз важные новости.

– Отворите ворота, – велел Ржевский, издали пытаясь разглядеть, кто же сидит в коляске.

Поручик с некоторых пор начал интересоваться полити-

кой. С тех самых пор, как отправил на имя нового императора Николая Павловича прошение о своём возвращении на военную службу. Прощение пока оставалось без ответа, но молчание не означало «нет». Если верить слухам, дошедшим из Петербурга, государь всё время посвящал допросам заговорщиков, устроивших восстание в декабре прошлого года. То есть прошение наверняка лежало в куче других пыльных бумаг, ожидавших, пока расследование завершится. Государь был слишком занят! И вот теперь Ржевский надеялся узнать что-нибудь новое о ходе расследования.

Между тем коляска остановилась у крыльца барского дома. Поручик, стоя на ступеньках и глядя на неё сбоку, по-прежнему не видел, кто сидит в экипаже. Видел только, что это некий господин.

Наконец из густой тени, образованной поднятым верхом, показалась трость с золотой ручкой в виде бегущего волка, вслед за ней – рука в чёрной перчатке, а далее – фигура в сюртуке бурого цвета и чёрном цилиндре.

Незнакомец носил очки с зелёными стёклами, защищавшими глаза от яркого солнца, из-за чего лицо, гладко выбритое, казалось зеленоватым. Это выглядело странно, как и форма ушей – со слегка заостренными кончиками, которых не могли скрыть короткие чёрные кудри.

Увидев Ржевского, гость снял шляпу и кивнул. Поручик кивнул в ответ, а незнакомец улыбнулся – приветливо, но как-то хищно.

Ржевский вдруг подумал, что эта улыбка, острые уши и бледное лицо о чём-то напоминают, но так и не смог вспомнить, о чём.

– Позвольте представиться, – с лёгким акцентом проговорил незнакомец. – Владислав Казимирович Крестовский-Костяшкин.

– Александр Аполлонович Ржевский, – в свою очередь представился поручик.

– Прекрасно! – воскликнул гость. – Значит, я приехал туда, куда нужно. У меня к вам есть одно дельце. Позвольте войти?

– Проходите, – ответил поручик, хотя у него мелькнула мысль, что приглашать странного субъекта в дом, возможно, не следовало.

Хозяин и гость вместе прошли в столовую, которая служила ещё и гостиной. Возле стола, за которым Ржевский только что завтракал, суетилась Полуша – переставляла посуду на поднос, чтобы унести.

Ржевский вспомнил её в costume Наполеона: серый сюртук на голое тело, который не сходился ни на груди, ни на бёдрах; растрёпанная коса, спускавшаяся из-под шляпы. В сравнении с этим рубаха, синий сарафан и платок выглядели скучновато, но Полуша, не подозревая о недостатках своего наряда, бросила на барина лукавый взгляд.

Уборка не могла закончиться скоро, а летом оставлять обедки на столе нельзя – налетят мухи, а то и осы, поэтому

Ржевский, чтобы звон посуды не мешал разговору, предложил гостю пройти в другой угол комнаты, где возле камина (конечно, нетопленного) стояли два кресла.

Крестовский-Костяшкин уселся, прислонил трость к ручке кресла, положил шляпу на колени и принялся стягивать перчатки.

Ржевский, сидя рядом, невольно обратил внимание, что у гостя длинные острые ногти, и эта деталь опять будто о чём-то напомнила, но поручик не придавал ей значения.

Меж тем Крестовский-Костяшкин, положив перчатки поверх цилиндра, начал рассказывать:

– Я, знаете ли, скромный помещик. Живу в имении, никуда почти не выезжаю, поэтому соседи меня знают плохо. Вы наверняка обо мне не слышали.

– Нет-с, не слышал, – признался Ржевский.

– А между тем, – сказал гость, – моё имение не так далеко от вашего. Поэтому до меня дошёл слух, что есть у вас дворовая девка по имени Аполлинария, которая поёт изумительно. На всю округу славится.

– Аполлинария? – озадаченно спросил Ржевский и оглянулся на Полушу. Та отчего-то перестала звенеть посудой, но продолжала стоять возле стола, рассеянно вертя в руках серебряную ложку.

Гость тоже посмотрел на Полушу и хищно прищурился.

– Это она?

Поручик вспомнил, что Полуша в самом деле красиво по-

ёт, хотя он её ценил не за это.

– У меня среди дворовых только одна Аполлинария. Других нет.

– Значит, она. – Гость ещё сильнее прищурился и цыкнул зубом. – Продайте мне её, Александр Аполлонович. Хорошие деньги дам.

– А зачем она вам? – спросил Ржевский.

Гость мечтательно вздохнул.

– Я – скромный помещик. Живу скучно, почти никуда не выезжаю. Одно у меня развлечение – мой крепостной театр. Вот для театра мне ваша певунья и нужна. На одну из главных ролей в новом спектакле.

Поручик ещё ничего не ответил, а Крестовский-Костяшкин уже смотрел на Полушу, как смотрят на крендель, только что купленный у уличного торговца, – с которой бы стороны откусить.

Полуша уронила ложку и вскрикнула, умоляюще глядя на Ржевского:

– Барин! Не продавай меня!

От этого возгласа даже оконные стёкла зазвенели, а гость опять вздохнул мечтательно.

– Голос сильный, звонкий. Для театра – самое то.

Полуша уже чуть не плакала.

– Барин, не продавай меня! Неужто у меня здесь ролей мало?! Я тебе Наполеона играю, маршала Мюрата играю, маршала Нея играю, маршала Понятовского играю. Разве плохо

играю? Ты же всегда довольный.

Ржевский вспомнил, как Полуша изображала Наполеона минувшей ночью, и это воспоминание заставило встрепетаться.

Что же это такое? Ведь поручик спросил, зачем гостю Полуша, просто так, из любопытства. И не собирался продавать её! Однако голос у гостя имел странное свойство – усыплял, убаюкивал, и только поэтому Ржевский не сказал «нет», а сидел словно в полузабытьи.

Поручик уже собрался заявить своему визави, что продать Полушу не намерен, но беседа продолжилась в другом ключе – как будто сделка возможна.

– Так у вас здесь тоже театр?! – воскликнул Крестовский-Костяшкин, когда Полуша кончила причитать. – Не знал, что вы – тоже любитель.

Поручик замялся:

– Ну как вам сказать...

– И роли у вашей актрисы такие занятные, – продолжал рассуждать гость. – Вот бы посмотреть.

Ржевский решительно отверг эту инициативу.

– Нет-с. Мы привыкли без зрителей играть.

– Вы сказали «мы»? Вы сами участвуете в спектаклях? – не поверил гость.

– Конечно, участвую, – сказал поручик. – Если самому не участвовать, то что за удовольствие?

– А я, знаете ли, нет, – признался Крестовский-Костяш-

кин. – Я только смотрю. Если всё идёт гладко и, что называется, естественно, то смотреть на это – истинное наслаждение.

– Ну, у каждого свои предпочтения. – Ржевский пожал плечами.

– А может, всё же позвольте мне посмотреть? Хоть один акт.

Поручика даже немного смутила настойчивость незнакомца, желающего понаблюдать половой акт.

– Нет, я предпочитаю без зрителей. – Ржевский решительно помотал головой.

– Как досадно! – Крестовский-Костяшкин, кажется, был неприятно огорчён. – Я бы не отказался перенять ваш опыт.

– Думаю, у вас его тоже достаточно. – Поручик снисходительно улыбнулся.

– Однако он не такой, как ваш. – Визави покачал головой и продолжал: – Я завидую вашей решительности. Я всегда в тайне мечтал, вот как вы, устроить что-нибудь на военную тему...

– Так в чём же дело?

– ...Но мне никогда не хватало смелости. Я не настолько уверен в себе. Ведь если уж браться за такое, это должно быть грандиозное действие.

– Не обязательно.

– Как же не обязательно! Обязательно! И оно потребует

много сил от всех участников. И от постановщика – в первую очередь.

Поручик кивнул.

– Да. Сил уходит порядочно. Бывает, что после отсыпаться до самого полудня.

– И длиться это должно весьма долго, – заметил гость. – У вас сколько актов? Три? Четыре?

Ржевский удивился. Про количество половых актов, происходящих в течение ночи, его раньше никто прямо не спрашивал.

– Когда как, – ответил поручик. – Обычно – два. Но бывает и три, и четыре. А иногда и пять.

– О! – Крестовский-Костяшкин посмотрел на Ржевского с уважением. – Пять актов! Потрясающе!

– Да ничего особенного, – отмахнулся Ржевский. – Вот когда я служил в Мариупольском гусарском полку, у нас один рядовой...

– Так вы продадите мне вашу Аполлинарию? – нетерпеливо перебил гость. – Как я уяснил из ваших слов, она ваша основная актриса, поэтому предлагать малую цену бессмысленно. Но я готов раскошелиться.

– Полуша у меня, – поручик задумался, выбирая слово поточнее, – одна из основных, но...

– Понимаю ваши обстоятельства, – снова перебил Крестовский-Костяшкин. – Однако мне для нового спектакля необходима актриса с хорошим голосом. Без этого никак!

Так что предлагаю вам за Аполлинарию сто рублей серебром.

– Барин! – Полуша, по-прежнему стоявшая возле стола, упала на колени и закрыла лицо руками.

Ржевский оглянулся на неё и произнёс:

– Подождите, Владислав... э...

– Казимирович.

– Вы меня как-то не так поняли, Владислав Казимирович, – проговорил поручик. – Я вообще не намерен продавать Полушу. Она мне самому нужна.

– Несомненно нужна. Поэтому предлагаю сто пятьдесят рублей серебром.

– Нет.

– Двести рублей серебром.

Ржевскому однажды уже называли эту сумму. Купцы из близлежащего города Ржева предлагали именно столько, чтобы поручик больше никогда не приезжал в город и не беспокоил их жён и дочек. Помнится, сумма не сильно впечатлила поручика, а теперь и подавно:

– Нет.

– Двести пятьдесят.

– Владислав Казимирович, я понимаю ваше стремление, но...

– Вы слышали? Двести пятьдесят.

– Владислав Казимирович...

– Это отличная цена.

– Нет, не продам.

– Но вы же понимаете, что обычная цена дворовой девке – двадцать пять рублей? А я вам предлагаю двести пятьдесят.

– Нет, Владислав Казимирович, не продам. – Когда речь шла о женщинах, Ржевский не мог и не хотел думать о деньгах.

– Очень жаль, – сказал Крестовский-Костяшкин.

Его левая рука, успевшая стиснуть деревянный подлокотник кресла, теперь начала медленно сжиматься в кулак, попутно оставляя на полировке бороздки от острых ногтей.

– Позвольте откланяться, – сказал гость, взял перчатки, шляпу, трость, поднялся с кресла, небрежно кивнул Ржевскому и направился к выходу.

Ржевский проводил странного посетителя до крыльца, а когда вернулся, то увидел, что кухарка Маланья подняла Полушу с колен и утешает:

– Ну что ты, Полушка? Чего ревьешь-то? Не продал тебя барин этому упырю. Не продал.

– Упырю? – испуганно спросила Полуша. – Разве он упырь?

– Упырь, – уверенно ответила Маланья. – Я сразу приметила, когда он в комнату вошёл. Вон в углу икона висит. А этот упырь зыркнул на образ святой и не перекрестился. А уши его видела? А ногти?

– А отчего же он днём ходит?

– Так, небось, белилами аглицкими вымазался, очки зелё-

ные нацепил, вот и спрятался от солнца-то.

– А-а-а! – ещё сильнее заревела со страху Полуша.

Ржевский сдвинул брови:

– Маланья, что ты мелешь?

– Зря ты, батюшка, его в дом пригласил. – Кухарка покачала головой. – Зря. Теперь надобно дом освятить, чтоб упырю сюда хода не было.

«Так вот кого этот субъект мне напомнил», – вдруг подумал поручик, но кухарке возразил:

– Да почему упырь?! Обычный человек. Хоть и оригинал. Всё порывался на наши с Полушей ночные забавы посмотреть.

Кухарка неодобрительно вздохнула и стала убирать со стола посуду, ведь зарёванная Полуша ещё не скоро вспомнила бы о своих обязанностях горничной.

– Полуша, хватит, – мягко сказал Ржевский. – Этот господин сюда больше не приедет.

– А-а-а! – снова заревела Полуша и уткнулась поручику в грудь. Тот принялся утешать, и в итоге так получилось, что сегодня он выгулял своего жеребца, не выезжая со двора.

* * *

Время было уже далеко за полдень, когда Ржевский снова вышел на крыльцо, раздумывая, чем бы заняться до обеда, ведь выезжать на прогулку казалось уже поздно.

Рассеянно оглядываясь по сторонам, поручик вдруг уви-

дел, что у забора в тени раскидистой яблони стоит чья-то гнедая кобыла под старым потёртым седлом и развлекает себя тем, что хватает с нижних веток крохотные недозрелые яблочки. Конюх, проходя мимо, крикнул, обращаясь к кобыле:

– Эй! Вон наш барин, – и только тогда стало ясно, что кучка соломы возле яблони – это голова какого-то малого. Он лежал под деревом, а теперь проворно вскочил и кинулся к Ржевскому, на ходу оправляя рубаху, подпоясанную верёвочкой.

– Барин, вам письмо, – с поклоном проговорил малый, доставая из-за пазухи мятый конверт.

– Ты сам чей? – спросил поручик.

– Бобричей, – в рифму ответил малый.

Бобричи были соседями Ржевского. С главой этого семейства – Алексеем Михайловичем Бобричем – поручик познакомился так же, как и с половиной своих соседей: случайно столкнулся по пути куда-то, обругал и вызвал на дуэль. Однако Бобрич оказался человеком миролюбивым, извинился и угостил шикарным обедом.

Позднее Ржевский посетил имение Бобричей, где был представлен жене Алексея Михайловича и двум дочкам, девицам на выданье – Машеньке и Настеньке.

Жена Бобрича показалась поручику очень даже ничего, но она явно хранила верность мужу, потому что обе дочери выглядели копией отца – настоящее бобриное семейство с

той лишь разницей, что у бобров на мордах есть шерсть, а у Бобрича с дочками её не было.

Правда, дочери унаследовали не только черты отца, но и очарование матери. То, что в отце удивляло, в дочерях выглядело вполне мило, но поручик всё же не настолько любил бобров, чтобы плениться.

Сам Бобрич при всяком случае говорил, что на бобра почти не похож, хотя Ржевский, разглядывая его и портреты его предков, думал, что Бобричи своим видом поставили бы в тупик всех поклонников новомодной идеи, будто человек произошёл от обезьяны¹.

Бобрич меж тем уверял, что фамилия его никак с бобрами не связана. Основатель дворянского рода Бобричей приехал в Россию на службу к Петру Великому откуда-то из немецких земель, а в тех землях до сих пор течёт река Бобрич. «И с бобрами это не связано!» – неустанно повторял глава семейства.

...Вспоминая всё это, Ржевский вскрыл конверт и хотел уйти в дом, когда услышал за спиной:

– Барышня велели не только письмо передать, но и ответа дожидаться.

– Которая барышня? – спросил поручик, обернувшись. – Мария или Анастасия?

– Не, – ответил малый. – Другая. Таисия Ивановна.

---

¹ Научные работы Ч. Дарвина появились в середине XIX века, но ещё в XVIII веке многие учёные и философы начали делать догадки.

Ржевский удивился. Тасенька?! Это от Тасеньки письмо?

«Здравствуйте, Александр Аполлонович, – так оно началось. – Простите, что долго не сообщала о себе, но мне не удалось уговорить папеньку, чтобы пригласил Вас к нам в имение. А когда я решила настаивать, он запретил мне с Вами переписываться!

Папенька полагает, что если я стану водить с Вами дружбу, меня каждую минуту будут сопровождать скандалы, и я совершенно точно не смогу выйти замуж. Но не беспокойтесь: я папенькиного мнения не разделяю, да и замужество меня не прельщает.

Однако папенька не оставляет надежд выдать меня хоть за кого-нибудь. Раз ничего не вышло, пока я гостила в Твери, он решил отправить меня погостить к другой родне. Предложил мне на выбор несколько семейств, и я выбрала Бобричей, потому что их имение расположено недалеко от Вашего.

По приезде меня ждала нечаянная радость. Оказалось, что Алексей Михайлович Бобрич, глава семейства, в отличие от моего папеньки не имеет против Вас предубеждений и даже называет приятелем. Я объявила, что мы с Вами тоже приятели, но Алексей Михайлович мне не поверил и сказал, что поверит, только если я сумею заманить Вас к нему в имение на семейный обед. Сегодня или завтра в три часа дня, как Вам будет удобно.

Пожалуйста, приезжайте. Буду очень рада повидаться.
Ваш друг, Т.

P.S.

У Бобричей я пробуду не меньше месяца и надеюсь, что мы с Вами успеем увидеться не один раз.

P.P.S.

Также мой долг предупредить Вас о возможной опасности. У Алексея Михайловича есть две дочери на выданье, каждая из которых не прочь выйти за Вас замуж. Но Вы наверняка и сами это знаете».

Судя по содержанию письма, «друг Т.» – это была та самая девица Тасенька, которой Ржевский полгода назад предложил дружбу, чего никогда прежде ни женщинам, ни девицам не предлагал.

Полгода назад случай и вправду был особый. Это не то предложение, которое делаешь в порыве страстей, а после жалеешь, так что теперь послание от Тасеньки пробудило в поручике те же чувства, как если бы старый полковой приятель приглашал заехать в гости. Даже если новых предметов для разговора не найдётся, то с приятелем всё равно есть, что вспомнить.

– Передай барышне и Бобричам, – сказал Ржевский, – что сегодня к ним на обед я уже не успеваю, а вот завтра буду непременно.

С этим ответом посланец уехал.

* * *

Усадьба Бобричей была большая – отнюдь не бобровая

хатка, хоть и стояла у реки в окружении леса.

Барский дом, двухэтажное каменное строение жёлтого цвета, появился здесь во времена Екатерины Великой, когда богатые дворяне начали строить в своих деревнях дворцы не хуже городских. Но у Бобричей, погнавшихся за модой и тоже отстроивших себе дворец, судя по всему, не хватило денег на «антураж»: цветники, фонтаны, статуи, искусственные гроты и прочее. Следующие поколения Бобричей тоже почему-то не стали тратиться на антураж, так что дом окружали беспорядочно растущие кусты и деревья, ухоженные на манер английского парка.

По центру фасада, затейливо украшенного лепниной, помещался широкий полукруглый балкон, подпираемый толстыми белыми колоннами. С этого балкона хозяин, сидя в кресле и прикрываясь зонтиком от солнца, обычно высматривал гостей.

Так было и на сей раз. Стоило только Ржевскому, сидящему в коляске, запряжённой серым в яблоках рысаком, проехать в ворота усадьбы, как Бобрич вскочил, откинул зонтик и закричал, размахивая руками:

– Александр Аполлонович! Эгей! А мы вас ждём!

Меж тем коляска гостя подъехала к главному входу, спрятанному где-то в тени под балконом за колоннами.

Со стороны конюшни к гостю побежал расторопный малый, чтобы взять рысака под уздцы, но ещё раньше, чем этот слуга достиг цели, к коляске сбежалось семейство хозяев:

Бобрич, его супруга и обе дочери.

– Здравствуйте, Александр Аполлонович! – воскликнул хозяин. – А я, честно сказать, сомневался, приедете ли вы. И ещё раз прошу прощения за давнюю шутку своих дочерей.

– Да бросьте! – отмахнулся поручик.

Он живо вспомнил прошлое лето, когда приехал к Бобричам на несколько дней и однажды утром отправился в баню, а пока мылся, Машенька с Настенькой украли у него рейтузы.

Ржевский вначале и подумать не мог, кто вор. Просто за-вернулся в простыню на манер древнего грека и отправился на поиски, спрашивая каждого встречного, не видно ли где синих штанов с жёлтыми лампасами. Один дворовый навёл на след, и в итоге поручик застал барышень в беседке у реки за проведением некоего обряда. Они брызгали на рейтузы водой из флакончика и шептали что-то вроде: «На сердце гнёт, на штаны приворот. Где капля, там море, любовь глубокая, страсть кипучая».

Застигнутые врасплох, обе девицы лишь улыбались и клялись, что через минуту вернули бы рейтузы на место, а Ржевский, хоть и не очень понял, что произошло, решил больше к Бобричам не ездить. А то мало ли... Один сослуживец Ржевского по Мариупольскому полку в колдовство не верил, а в итоге женился на девице, которую сам себе на кофейной гуще нагадал.

Лишь письмо Тасеньки заставило поручика махнуть ру-

кой на прежние опасения. И вот теперь он, стоя у крыльца, крепко обнялся с хозяином, поцеловал ручку хозяйке, кивнул барышням, а те покраснели и захихикали, после чего вся компания самым торжественным образом направилась в столовую. Хозяин с гостем впереди, а остальные – позади.

Поднявшись по парадной лестнице и миновав гостиную, Ржевский вошёл в уютную комнату с камином и высокими окнами. Посреди стоял длинный накрытый стол, от которого разносился аромат ухи и рыбных пирогов, а у дальней стены на диване сидела Тасенька со своей бабушкой и некий юноша чуть старше двадцати лет.

Бабушка, уже знакомая поручику старушка Белобровкина, конечно же, сопровождала внуку в гостях, как это было в Твери. А юноша, судя по особым, «бобриным» чертам, являлся родственником хозяина дома, хотя одет был не побарски, а по-крестьянски: в косоворотку с красной вышивкой, синие штаны и сапоги из мягкой кожи.

– Поздравляю, Таисия Ивановна, – сказал Бобрич. – Сумели заманить к нам гостя. Теперь я несколько не сомневаюсь, что вы с ним – хорошие приятели.

Тасенька радостно улыбнулась и встала, чтобы поздороваться с Ржевским. Она, кажется, хотела сделать реверанс, но поручик протянул ей руку для пожатия, и Тасенька обрадовалась ещё больше.

Рукопожатие – самое уместное приветствие для друзей, однако «бобрёнок», вскочив вместе с Тасенькой, по-

смотрел на поручика косо, будто подозревал, что за приятельскими жестами что-то кроется.

Старушка Белобровкина меж тем громко произнесла, обращаясь к Ржевскому:

– Опять ты! Неужто передумал? К внучке свататься всё-таки будешь?

– Бабушка! – укоризненно воскликнула Тасенька. – Мы с Александром Аполлоновичем друзья.

«Бобрёнок» продолжал смотреть косо. И даже тогда, когда Ржевский кланялся старушке.

Наконец очередь здороваться дошла до самого «бобрёнка», и хозяин дома объявил:

– Это мой сын Пётр. Познакомьтесь, Александр Аполлонович.

«Бобрёнок» нехотя кивнул, а Ржевского вдруг осенила догадка.

– Надо же! – Поручик удивлённо воззрился на Бобрича. – Не думал, что вы, Алексей Михайлович, так прогрессивно мыслите.

– Благодарю, но... – пробормотал Бобрич. – Это вы к чему?

Ржевский развёл руками.

– А как же! Из всех моих знакомых только вы признали ребёнка, прижитого от крепостной. Обычно таких детей не растят в доме и не показывают гостям.

– Что? – У Бобрича округлились глаза.

– А супруга ваша не против, что Пётр живёт в доме? – продолжал удивляться Ржевский. – Жёны обычно не любят, когда у мужа детишки от интрижки.

Жена Бобрича ахнула, а хозяин дома, стараясь говорить спокойно, произнёс:

– Александр Аполлонович, вы не поняли. Пётр – мой законный сын. Мой и моей супруги. Отчего вы решили, что его мать – крестьянка?

– А почему он одет так странно? – спросил Ржевский, глядя крестьянскую рубаху «бобрёнка», тоже стоявшего с круглыми глазами. – Не нашлось для него фрака?

Бобрич, услышав это, засмеялся, а вслед за ним – супруга и дочери.

– Вот оно что! – воскликнул Алексей Михайлович и шутливо погрозил пальцем сыну: – А я говорил тебе, Петя, что надо одеться иначе. Не вовремя ты восстал против моды. Подождал бы осенней распутицы, когда гости к нам не ездят. Когда посторонние тебя не видят, восставай сколько угодно.

– Следовать моде – значит быть рабом! Рабом чужих вкусов, – гордо заявил младший Бобрич.

– Петя у нас оригинал, – торопливо пояснил старший Бобрич, будто опасаясь, что гостю опять что-нибудь подумается.

– Кант говорил, что в основе моды лежит тщеславие и глупость, – продолжал Петя.

– А Кант – это кто? – спросил Ржевский. – Знакомый ваш?

– Кант – великий немецкий философ, – снисходительно

ответил Петя. – Увы, он умер больше двадцати лет назад, поэтому я имею счастье быть с ним знакомым только по его трудам.

– Пётр долго учился за границей, – опять пояснил старший Бобрнич. – В Гёттингенском университете. И уверяю вас, Александр Аполлонович, что в Европе мой сын косоворотку не носил. Приехал, одетый по последней моде, а здесь вот уже два месяца оригинальничает.

– Кант говорил, – важно заметил Петя, – что лучше быть одетым по моде, чем в старомодное платье. Но здесь, на родине, я увидел, что мой выбор не ограничен модным фракком и немодным. Есть национальная одежда, которая вне времени и вне моды. И тогда я избавился от модных оков!

– Хватит об этом, Петя, – мягко улыбнулась хозяйка дома. – Прошу всех к столу.

* * *

Стол ломился от кушаний. Всю посуду еда заполняла почти до краёв. Это в городах кладут поменьше, чтобы гость видел изысканные узоры на тарелках, а хозяин мог бы небрежно заметить, что сервиз французский, но деревня – другое дело! Там не стремятся похвалиться посудой, зато кормят до отвала.

Это обстоятельство было очень кстати. Ржевский мог делать вид, будто впечатлён обилием хозяйских разносолов. Лишь бы не смотреть на своих ближайших соседей по столу

– Машеньку и Настеньку.

Поручик сидел как раз между ними, с длинного края, а те пытались бросать на гостя «колдовские взгляды». Правда, у девиц не доставало опыта, поэтому выглядело всё так, будто они хотят не околдовать, а взглянуть.

Как бы там ни было, Ржевский решил не поддаваться и поэтому с нарочитым интересом разглядывал стол.

– Да тут целый пир! – воскликнул поручик. – Это что? Уха? – спросил он, глядя на уху, когда лакей поднял крышку супницы. – А это что? Пирог? – спросил Ржевский, глядя на пироги. – А это заливная рыба? – спросил он, глядя на заливную рыбу.

Наконец поручик определил для себя стратегию: на этих двух девиц вообще не смотреть, даже если они с ним заговорят, а смотреть прежде всего на Тасеньку, которая сидела как раз напротив – между старушкой Белобровкиной и «бобрёнком» Петей.

Конечно, поведение поручика могли истолковать превратно. Особенно – Белобровкина, которая сегодня уже говорила про сватовство, а если предполагаемый жених почти всё внимание станет уделять её внучке, то старушка тем более уверится, что дело идёт к свадьбе.

«Ну и что ж теперь! – подумал поручик. – Если Тасенька согласилась быть другом, то пусть исполняет дружеские обязанности». Друг должен помогать в беде. И если Ржевский оказался меж двух огней, а точнее – меж двух бары-

шень, распалённых желанием замужества, то Тасеньке следовало по-дружески выручить поручика. Тем более что она сама неволью заманила его в эту западню.

Меж тем лакеи налили уху из супницы в тарелки, а старший Бобрич, сидевший с торца, во главе стола, как только получил наполненную тарелку, показал себя истинным гурманом. Склонился над кушаньем, втянул ноздрями аромат, блаженно вздохнул и не спеша снял пробу. Правда, вышел конфуз – пробуя уху, Бобрич хлопнул, да так громко, что сидевшая по правую руку от него Белобровкина, почти глухая, расслышала.

– Когда я молода была, – проворчала она, ни к кому не обращаясь, – во время больших застолий всегда оркестр играл. И много пользы от того оркестра получалось. Во-первых, развлечение. Во-вторых, для пищеварения хорошо. А в-третьих, если кто-то хлопнет, чавкнет, пукнет, или в животе у кого заурчит, за музыкой этого было не слышать. А сейчас застольная музыка не в моде. Все считают себя воспитанными, на живот не жалуются и полагают, что музыкой заглушать уже нечего. А я вот полагаю, что поторопились музыку отменить. Поторопились!

– Если хотите, – сказала жена Бобрича, сидевшая на другом конце стола, напротив мужа, – я прикажу позвать Фёдку, сына нашей кухарки. Он прекрасно играет на скрипке.

– Да ни к чему теперь, – всё так же ворчливо ответила Белобровкина. – Угощение вкусное – и на том спасибо.

– Кант считал, – задумчиво произнёс Петя, – что всякий человек предпочтёт вкусно покушать без музыки, чем слушать музыку и ничего не есть.

Ржевский тоже решил вернуть своё слово:

– Кстати о музыке. Когда я служил в Мариупольском полку, был у нас трубач, который хвастался, что сыграть может всё, что ни попросишь. И вот приезжает к нам в полк высокое начальство.

Поручик чуть огляделся, чтобы убедиться, что его слушают, а Бобрич воскликнул:

– О! Александр Аполлонович сейчас побалуует нас одной из своих знаменитых армейских басенок!

– Отчего же басенок? Всё – чистая правда! – возразил Ржевский и продолжал: – У нас к приезду начальства, конечно, стол накрыт: вино, закуска, но только с развлечениями плохо, поэтому зовём того самого трубача. Высокое начальство спрашивает: «Ты «Калинку» можешь сыграть?» Трубач говорит «могу» и играет. Начальство спрашивает: «А гимн России можешь?» Трубач говорит «могу» и играет. Тогда начальство совсем разошлось: «А Баха можешь?» Трубач задумался и говорит: «Тоже могу».

– А откуда ваш трубач знал музыку Баха? – удивился Петя.

– А вы, юноша, считаете, что мы в армии совсем одичали? Баха не знаем? – спросил Ржевский. – Знаем. Поэтому трубач подумал и говорит: «Сыграть могу, но только не на трубе, а кулаком по двери». Начальство говорит: «Ну давай». Тру-

бач подходит к двери и кулаком по ней: «Бах-бах-бах-бах». И второй раз, но помедленней: «Бах, бах, бах, бах...»

– Это же не Бах! – воскликнул Петя. – Это Бетховен. Тот отрывок, когда судьба в дверь стучится.

– Почему Бетховен? – возразил Ржевский. – «Бах-бах-бах-бах» это Бах. Очевидно же! – Он вздохнул: – Хотя начальство тоже сказала, что не Бах.

– Вот! – воскликнул Петя.

– Однако наши офицеры за трубача заступились, – продолжал рассказывать Ржевский. – Конечно, с высоким начальством спорить не следует, но если честь полка на кону, то дело другое! Долго спорили и ни к чему не пришли, потому что под рукой не оказалось нот. А были бы ноты...

История явно понравилась большинству слушателей. Особенно Тасеньке, которая почти смеялась, но Петя, глядя на неё, насупился.

– И всё-таки это Бетховен, – сказал он.

– А ноты у вас есть? – спросил Ржевский.

– Нет, но...

– Тогда не спорьте, юноша, – перебил поручик. – Будут ноты, тогда откроете их и увидите, что это Бах. – Ржевский откинулся на спинку стула, тем самым давая понять, что разговор окончен.

– Умный человек может изменить мнение, а дурак – никогда, – сквозь зубы процедил Петя.

– Что вы там сказали? – приподняв правую бровь, спросил

поручник.

– Это не мои слова. – Младший Бобрич вздохнул, явно устав спорить. – Это Кант сказал.

– Ловко вывернулись. – Ржевский улыбнулся. – Будь это ваши слова, я бы вас на дуэль вызвал. А с Канта что возьмёшь! Он же покойник.

– Прошу вас: не надо дуэлей! – воскликнула хозяйка дома и обернулась к сыну: – Петя! Как ты ведёшь себя с гостем? – Она с мольбой посмотрела на гостя: – Александр Аполлонович, прошу вас, не сердитесь на него.

– Ради вас, мадам, я даже на Канта сердиться не буду. – Поручник любезно улыбнулся. – К тому же «дурак» – далеко не самое страшное оскорбление.

– Кант говорил, – с некоторой опаской произнёс Петя и на всякий случай повторил: – Кант говорил, что для мужчины обиднее всего, когда его назовут глупцом.

– А для женщины – если скажут, что она некрасива, – добавила Тасенька. – Я ведь правильно цитирую Канта?

Ржевский вдруг заметил, что Петя смотрит на Тасеньку с восторгом, будто она – чудесное неземное существо.

– Да, – еле слышно прошептал младший Бобрич. – Вы цитируете верно.

Однако в следующую минуту его восторг сменился унынием, потому что Тасенька сказала:

– Тогда позвольте мне не согласиться с Кантом.

– Но почему? – спросил младший Бобрич.

– Потому что я знаю свои обстоятельства, – сказала Тасенька. – Я – не красавица, и родные часто повторяют мне это ради моего же блага, так что мне грех обижаться. – Она мило улыбнулась. – Видите? Кант не всегда прав. Иное дело, если бы мне сказали, что я глупа. Вот это было бы для меня обиднее всего.

– И я тоже не соглашусь с Кантом, – подхватил Ржевский. – Кант, судя по всему, вращался в кругу учёных людей, где быть дураком и впрямь позорно, но если бы Кант поговорил с кем-нибудь попроще... да хоть с гусарами нашего Мариупольского полка, то знал бы, что для мужчины не так страшно быть дураком, а вот импотентом – страшно.

За столом повисло неловкое молчание. Никто не знал, что ответить на замечание Ржевского, поэтому поручик решил сам прервать затянувшуюся паузу:

– Кстати об импотентах, – сказал он. – Ко мне вчера приехал странный тип по фамилии Крестовский-Костяшкин. Сказал, что у него имение в здешних местах. Знаете такого?

Все Бобричи и Тасенька озадаченно переглянулись. Как видно, эту фамилию они слышали впервые.

– Значит, не соврал. – Ржевский пожал плечами. – Этот тип мне говорил, что в нашей округе почти никому не известен.

– А я его знаю, – подала голос старушка Белобровкина, и в этот самый момент где-то неподалёку грянул гром. – Нечисть польская, – добавила она.

В комнате разом потемнело, после чего за окнами сверкнула молния.

– Ой! – дружно взвизгнули девицы Бобрнич.

Участники застолья настороженно замерли, и только хозяин дома поспешил успокоить всех:

– Ну что вы! Это же гроза. Летняя гроза.

Будто в подтверждение его слов в комнате стало чуть светлее, а затем послышался звук проливного дождя, капли забарабанили по стёклам. Где-то неподалёку ещё раз громыхнуло, но это уже никого не напугало.

Хозяйка велела слугам принести свечи, а Ржевский meantime решил расспросить Белобровкину. Слово «нечисть» заставило поручика забеспокоиться, ведь он вспомнил, как кухарка Маланья говорила про упыря.

– Так этот Крестовкий-Костяшкин – поляк? – спросил Ржевский.

– А? – не расслышала старушка. – Кто пошляк? Пошляк тут один – ты.

Поручик успел забыть, что та глуховата. Он задумался, как бы крикнуть так, чтобы не напугать никого за столом, но на помощь пришла Тасенька: склонилась к бабушке и чётко повторила вопрос про поляка.

– Наполовину, – ответила Белобровкина. – Папаша его был поляк – Казимир Крестовский. Полвека тому назад, после того как русские, прусаки и австрияки поделили Польшу, этого Казимира сослали в Сибирь вместе с другими по-

ляками, кто выступал против раздела. Пожил этот Казимир в Сибири лет десять и попросил помилования.

– А сынок откуда взялся? – нетерпеливо спросил поручик.

– А? – переспросила Белобровкина.

Тасенька повторила вопрос, а старушка хмыкнула:

– Ты не знаешь, откуда дети берутся?

– Я хочу знать, откуда он взялся в наших местах, – всё так же нетерпеливо пояснил поручик.

– Не перебивай! – Белобровкина погрозила Ржевскому пальцем и продолжала: – Так вот... Казимир этот помилование получил, но с условием, чтобы в польские земли не совался. Тогда он решил поселиться ближе к Петербургу, но по пути туда задержался в наших местах. То ли коляска поло-малась, то ли занемог, но приютила его здешняя помещица Костяшкина, вдова. Детей у неё до той поры не было.

– А после того, как приютила гостя, дети появились? – спросил Ржевский.

Тасенька задумалась, повторять ли это, но бабушка сама всё расслышала.

– Пошляк! Постыдился бы! Тут барышни за столом, а ты взялся рассуждать, откуда дети берутся.

– Так вы же сами начали! – попытался оправдаться Ржевский. – А я разговор поддерживаю.

Белобровкина отмахнулась и продолжала:

– Да, дети у Костяшкиной появились, но сперва Казимир Крестовский на ней женился. Всё официальным порядком.

Даже свадебное путешествие было. Но Костяшкина уж очень казнила себя, что прежнему мужу детей не родила и род Костяшкиных угаснет. Поэтому с самого начала настояла, чтобы дети двойную фамилию носили: пускай хоть такие Костяшкины останутся. И крестили их, конечно, в православии, хотя Крестовский-то сам католик был...

– А его сын? – Поручик никак не мог дожидаться окончания рассказа. – Вы сказали, что он нечисть. Почему?

– А? – Белобровкина опять сделалась глухой, поэтому пришлось Тасеньке снова вмешаться.

– Так я к сыну и веду! – воскликнула старушка. – Костяшкина двоих детей родила: сына и дочку, а лет через пять после свадьбы померла. Уж не знаю, отчего, а только Казимир как будто даже обрадовался. С женой жил русским баринном, а как овдовел, то зажил польским паном. Детей воспитывал на польский лад, так что сынок его – Владислав Казимирович – вырос поляк поляком. Да и дочка получилась такая же – не барышня, а панночка. Отец просватал её за поляка и в польские земли отправил, и сыну тоже нашёл невесту нездешнюю – полячку. Приехала она из далёкой глуши. То ли возле Карпатских гор это место, то ли в самих горах. Глушь, короче говоря.

– А может, невеста приехала из Трансильвании? – с улыбкой спросил Петя, до этого молчавший.

Тасенька чётко повторила бабушке вопрос.

– А разве там польская земля? – удивилась Белобровкина.

– Нет, – помотал головой Петя, а старушка нахмурилась:

– Раз это земля не польская, что ты меня путаешь? Говорю же: невеста была полячка.

– Да я так, – пытался оправдаться Петя. – Польские земли лежат по соседству с Трансильванией, а в самой Трансильвании находится значительная часть Карпат. К тому же Трансильвания – поистине медвежий угол. Вы сказали «глушь», вот я и вспомнил самое глухое место всей Европы.

– Но почему Владислав Казимирович – нечисть? – в который раз спросил Ржевский, решив во что бы то ни стало добиться ответа.

Тасенька повторила и этот вопрос, а Белобровкина ещё больше нахмурилась.

– Почему нечисть? – грозно произнесла она. – Да оттого, что Казимир после смерти жены тайно перекрестил обоих детей в католики! Оттого и получилось, что Казиминова дочка вышла за поляка, а Казимиров сынок на полячке женился. Среди русских найти католиков мудрено, а среди поляков и искать не надо – все они католики.

Поручик облегчённо вздохнул:

– Ну и ладно. А то ходят слухи, будто этот Владислав Казимирович – упырь.

За столом все ахнули кроме Белобровкиной, которая опять не расслышала. Пришлось Тасеньке в который раз повторять слова Ржевского.

Бобричи уже успокоились и принялись доедать остываю-

щую уху, когда старушка задумчиво сказала:

– А может, и упырь.

Глава семейства Бобричей застыл с ложкой в руке, а его жена воскликнула:

– Как упырь! То есть с нами по соседству живёт упырь? – Она обеспокоенно посмотрела на дочерей. – Но упырей не бывает. Это же сказки.

– А может, и упырь, – всё так же задумчиво повторила Белобровкина. – А может, и нет никакого Владислава Казимировича. Может, это сам Казимир притворился своим же сыном, чтоб никто не удивлялся, отчего Казимир так долго живёт и не помирает. Жену уморил, а сам живёт.

– Бабушка, но ведь у господина Крестовского была ещё и дочь, – возразила Тасенька. – Откуда же она взялась? Ведь после того, как человек стал упырём, у него дети не рождаются.

– А ты тоже знаешь, откуда дети берутся? – Белобровкина подозрительно посмотрела на внучку, а затем на Ржевского и сказала: – Вот, пошляк! Твоё влияние.

– Бабушка, Александр Аполлонович здесь ни при чём, – поспешила оправдаться Тасенька. – Про детей я в книжке читала.

Однако Белобровкина уже не слушала и будто сама с собой продолжала рассуждать:

– А может, и не было никакой дочери. Никто эту дочку толком не видел. Отец никуда её не вывозил. Даже в Тверь. А как выдал замуж, так дочка и вовсе пропала, будто не было.

Может, это всё – сплошь обман. Может, помещицу Костяш-кину обманули и одурманили. Может, ей только казалось, что она вышла замуж и детей родила. Одурманили её, чтоб она завещание написала на сына, которого нет. А на самом деле есть только упырь Казимир да его упыриха, которую он к себе пригласил из польской глуши.

«Вот чертовщина!» – подумал Ржевский, хоть и не поверил рассказу.

И всё же у поручика появилось смутное беспокойство, которое только возросло, когда он в вечерних сумерках возвращался из гостей к себе в имение.

Летом вечера длинные, да и ночи светлы, так что можно было не бояться заблудиться, а разбойников в тех местах не водилось, но Ржевский погонял рысака. Отчего-то хотелось поскорей добраться до дому.

Глава вторая,

в которой происходит таинственное исчезновение, а затем появляются вопросы

Ржевский возвратился домой уже в темноте, но его ждали. Прямо у ворот усадьбы дежурил дворовый с фонарём – старый отставной солдат. Ещё издали слышав топот рыска, дворовый распахнул створки и вытянулся по струнке.

Поручик въехал во двор и остановился у крыльца. Конюх взял коня под уздцы и проговорил:

– Спаси, Господи.

Кухарка Маланья, когда Ржевский выбрался из коляски и поднялся по ступенькам, зачем-то перекрестила его и сказала:

– Слава Богу.

Поручик насторожился:

– Что такое? Случилось что-то?

Маланья замялась, но тут на крыльцо выскочил белобрысый мальчонка, её внук, и начал скороговоркой:

– Ваше барское благородие, разрешите доложить.

– Докладывай, – разрешил Ржевский.

– Пока вас не было, у нас тут ничего не случилось.

Поручика это почти успокоило.

– Ужинать будешь, барин? – спросила Маланья.

– Нет, в гостях накормили, – ответил Ржевский, проходя в дом. – Квасу дай.

Он прошёл в спальню, с помощью лакея Ваньки избавился от верхней части мундира, сладко потянулся, разминая затекшую от долгой дороги спину, и заглянул в шкаф. Там висели костюмы, в которые одевалась Полуша, когда изображала Наполеона, маршала Нея и прочих военачальников.

Поручик задумался, что из вещей сегодня «вдохновляет», и уже почти решил, что в этот раз можно и без переодеваний, когда явилась Маланья – принесла квас.

– Маланья, позови-ка мне Полушу, – сказал Ржевский, беря с подноса холодный стакан кваса, но тут кухарка опять замялась, как недавно на крыльце:

– А её нету, барин.

– Как нету? – Поручик, отпивая из стакана, чуть не поперхнулся.

– Нету. Днём после твоего отъезда ушла и пока не возвращалась.

– Куда ушла?

– А кто ж её знает.

– И это называется «ничего не случилось»! – рассердился Ржевский, с силой поставив полупустой стакан на стол так, что часть кваса разлилась. – Хорошо же вы мне докладываете обстановку! Где этот пострелёнок?

– Не ругай его, барин, – жалобно проговорила кухарка, вступаясь за внука. – Это я его подучила, чтоб так сказал. Чтоб тебе, барин, спокойнее было. Ну сам посуди: где мы Полушу среди ночи искать будем? А утро вечера мудренее. Может, к утру она сама вернётся.

Ржевский задумался, а Маланья добавила:

– Ты не беспокойся, барин. Она наверняка вернётся. А дом и всю усадьбу мы нынче освятили. Батюшку позвали, и он расстарался. Везде святой водой покропил, так что упырям сюда хода нет. – Она ещё помялась. – Ты уж прости, что я тебя по приезде перекрестила. Хотела проверить, не скривись ли. А то вдруг ты упырём стал. Ведь приехал уже в ночи.

– Ты обалдела что ли? – снова рассердился Ржевский. – Чтобы я про упырей больше не слышал! И кликни мне сейчас Грушу. И Дуньку заодно. Расспрошу их, куда Полуша ушла.

– Сделаю, барин, сделаю, – Маланья с поклонами начала отступать к двери, на всякий случай прикрываясь подносом, как щитом.

Вскоре пришли Груша и Дуня, которые вместе с Полушей составляли барский гарем, подобранный не по цвету волос, а по формам.

У Груши были пышные бёдра, а в грудях заметно меньше пышности. У Дуни – наоборот, верх был больше, и каждая грудь, как дыня. Не астраханская, конечно, но очень похо-

жа на те, которые в центральных губерниях часто растут в оранжереях. У Полуши, сейчас отсутствовавшей, верх и низ были одинаково выдающиеся и, возможно, поэтому поручик выбирал её чаще других.

Груша и Дыня... то есть Дуня явились причёсанные, опрятные и совсем не заспанные, словно на смотр, однако Ржевский звал их не за этим, а потому что обе жили с Полушей в одной комнате.

Казалось бы, они должны знать про свою соседку всё, но на вопрос барина, куда делась Полуша, девки только пожали плечами.

– Не знаем, барин. Не знаем.

– А как уходила, видели?

– Видели, – ответила Дуня, а Груша добавила: – Она так уходила, будто тотчас вернётся. Мы и не спросили, куда.

– Ладно, идите. Отбой. – Поручик досадливо вздохнул.

Девки с лёгким удивлением направились к выходу.

– Погодите, – остановил их Ржевский.

Те обернулись и лукаво заулыбались, но разом скисли, когда услышали:

– Маланью мне кликните.

Кажется, Груша с Дуней обиделись, ведь в коридоре они заспорили, кто пойдёт за Маланьей, а кто – спать, но поручика сейчас мало заботило настроение гарема.

Наконец вернулась Маланья.

– Выясни у остальной дворни, кто чего слышал, – стро-

го произнёс Ржевский, допивая квас. – Не может быть, чтоб Полуша ушла и никому не сказала, куда и зачем.

– Выясню. – Маланья поклонилась и забрала стакан.

– И сразу доложишь.

– Завтра с утра доложу по всей форме.

– Почему завтра? – Ржевский нахмурился.

– Ох, барин. – Маланья просительно сложила руки, продолжая держать в одной из них стакан. – Христом Богом тебя молю: обожди до утра. Не гони людей в ночь. Ведь не будет толку. А утром всё наверняка само уладится. Христом Богом молю!

– Хорошо, – Ржевский смягчился, но ему всё равно было беспокойно, а ночью привиделся странный сон – эротический кошмар.

Приснилось поручику, как он ночует совсем один, но это было ещё не самое страшное. Дальше приснилось, что в спальню явилась Полуша.

– Ты где была? – спросил Ржевский, но та лишь улыбнулась, будто оскалилась, а зубы у неё оказались все как один острые.

– Не увиливай. Отвечай, где была, – строго сказал Ржевский, но Полуша опять ничего не ответила, лишь прошипела нежно:

– Барин. – Она подошла к кровати, откинула одеяло, коленом – на перину и потянулась к барским подштанникам: – Сейчас я твоего жеребца приласкаю.

Ржевский снова посмотрел на её зубы, а там на концах – будто иглы.

– Куда ты лезешь! С такими зубами! – воскликнул поручик и попытался отодвинуться, но не тут-то было. Полуша прыгнула вперёд и давай пуговицы на подштанниках растёгивать, а сама шипит:

– Барин.

– Полуша, не смей! – крикнул Ржевский и проснулся.

За окном уже рассвело, пели петухи.

Больше заснуть так и не удалось, поэтому поручик позвал Ваньку необычайно рано. На реку купаться не пошёл, велел принести воды, чтобы ополоснуться прямо в комнате.

Перед завтраком первым делом спросил Маланью, что она выяснила, а та, вздохнув, ответила:

– Полуша никому не захотела сказать, куда пойдёт.

– А сами как думают, куда она могла деться?

– Да не знают, что и думать. Родни у неё поблизости нет...

– Где же искать Полушу?

– Да подожди, барин, – снова попросила кухарка. – Время-то ещё раннее. Может, скоро вернётся. – Однако вчера Маланья говорила о скором возвращении Полуши увереннее – гораздо увереннее, чем сегодня с утра. Или это только казалось?

Ржевский загрустил. Принялся было за яичницу, но очень быстро обнаружил, что еда в горло не лезет. Глотнул чаю и ушёл к себе в кабинет.

По-правде говоря, поручик очень рассчитывал, что дворовые подскажут, где искать Полушу. А теперь, не получив подсказки, он оказался в тупике, поэтому только и оставалось, что ждать.

Так прошло ещё часа три, но ничего не изменилось, а Маланья уже не осмеливалась ничего советовать. Она была готова покориться любому решению барина, но поручик не знал, что делать. Это поначалу он был готов броситься на поиски, но полное отсутствие данных сильно затрудняло будущую поисковую операцию.

Часы в кабинете пробили девять утра, когда Ржевский, сидя на стуле и понутив голову, вдруг вспомнил об одной особе, о которой давно не вспоминал. Этой особой была богиня Фортуна.

Пускай минули времена древних римлян и их богов, но поручик искренне верил в богиню Фортуну, ведь она выручала его не раз.

Последние полгода Ржевский подзабыл её, потому что в деревне жизнь текла очень размеренно. Не происходило ничего, требующего вмешательства Фортуны, но теперь только на неё и оставалось надеяться.

«Фортунушка, милая, – мысленно взмолился Ржевский, – помоги мне. Подскажи, как найти Полушу. Помоги сразу выбрать верный путь и не ходить по ложным следам».

Фортуна наверняка была обижена, что о ней долго не вспоминали, но такая искренняя мольба о помощи со сторо-

ны её любимца не могла остаться без ответа. Должно быть, услышав зов, она влетела в кабинет через открытое окно вместе с порывом летнего ветерка, встала возле поручика и снисходительно улыбнулась.

Ржевский почувствовал, будто кто-то заставляет его приподнять голову. Он посмотрел прямо перед собой, и взгляд упёрся в край стола, где лежало недавнее письмо от Тасеньки.

«Ну конечно! – подумал Ржевский и сразу вскочил. – Тасенька! Вот, кто мне поможет. В Твери на маскараде она была очень находчива и быстро отыскала в толпе масок именно ту, которую мне было нужно. Вот и теперь подскажет, как действовать!»

С этой мыслью Ржевский почистил зубы, накрутил усы, облачился в мундир, сел в коляску, запряжённую всё тем же серым в яблоках рысаком, и отправился в имение Бобричей. Причём ничуть не смущался, что на этот раз едет без приглашения.

* * *

Бобричи весьма обрадовались неожиданному гостю. Старший Бобрич прибежал встречать его ещё до того, как Ржевский, остановившись во дворе усадьбы, успел объяснить подошедшему слуге, что коня распрягать не нужно – скоро в обратный путь.

– Как это «скоро»? – спросил Бобрич. – Нет, Александр

Аполлонович, мы вас так просто не отпустим!

Поручик заикнулся было, что приехал по важному и срочному делу, но хозяин дома решительно заявил:

– Все дела после! А сейчас прошу с нами чай пить в беседке. Самовар пока горячий.

– А где Таисия Ивановна? – спросил Ржевский, ещё надеясь, что удастся отвертеться от чаепития.

– В беседке, – ответил Бобрич. – Все в беседке. Пойдёмте!

В беседке за круглым столом собралось всё семейство Бобричей, а также Тасенька с бабушкой.

Увидев Ржевского, хозяйка дома мягко улыбнулась и сказала:

– Очень приятно вас снова видеть, Александр Аполлонович, – но по всему было видно, что ей приятно видеть не самого поручика, а своих дочерей подле него. Авось одна из них выйдет замуж.

Машенька и Настенька тоже разом заулыбались, показывая свои бобриные зубки. Петя нахмурился и покосился на сидящую рядом с ним Тасеньку, на лице которой отразились смешанные чувства. Она оказалась приятно удивлена, но с первой же секунды поняла, что поручик явился не просто так.

Белобровкина тоже удивилась и произнесла по привычке:

– Опять ты!

– Да, опять я. – Ржевский поклонился присутствующим, мысленно отметив, что Петя всё так же одевается по-кре-

стьянски. Рядом с Тасенькой, которая была одета по последней моде, «бобрёнок» в косоворотке смотрелся несуразно, но не замечал этого или не хотел замечать.

Сесть возле Тасеньки поручику не позволили – опять усадили между хозяйскими дочками.

– Что вас к нам привело? – спросил Петя, но его отец тут же сменил тему:

– Никаких разговоров о делах! Дела подождут, а сейчас я на правах хозяина дома велю всем пить чай и болтать о пустяках.

Ржевскому пододвинули чашку с чаем и тарелку пирожков, а поручик, поначалу взглянув на всё это без интереса, вдруг почувствовал, что в самом деле проголодался. С утра, мучаясь раздумьями, он толком не поел, а сейчас, когда дело обещало вот-вот пойти на лад, можно было и перекусить.

Меж тем оказалось, что завести разговор о пустяках непросто. Все молчали, пытаясь придумать тему, но первой вышла из затруднения старушка Белобровкина.

– А что, Александр, есть новости про твоего упыря? – спросила она.

Ржевский не знал, что ответить.

Вспомнив свой сон, поручик вдруг подумал, что это упырь украл Полушу: «Почему бы и нет? Либо сам украл, либо слуг подослал!» О своих догадках можно было сказать сейчас же: «Да, новости есть, упырь ворует крепостных», а Тасенька услышала бы и дала совет, но Бобрич запретил го-

ворить о делах. Что же сказать?

К счастью, Ржевский не успел ни на что решиться, а то бы опозорился, потому что на Белобровкину все накинудись. Первой – жена Бобрича, которая беспокоилась за дочек:

– Прошу вас: не пугайте девочек. Дочери ещё с прошлого раза напуганы, – сказала она, хотя те не выказывали страха. Если кто и был напуган, то сама хозяйка дома.

– Бабушка! – укоризненно воскликнула Тасенька. – Упыри – это не пустяки.

– Неужели вы, госпожа Белобровкина, в самом деле верите в упырей? – с удивлением произнёс Бобрич, отправляя в рот ложечку с вареньем.

– Кант говорит, – будто отвечая на вопрос отца, заметил Петя, – что есть заблуждения, которые нельзя опровергнуть. Они могут исчезнуть лишь сами с приходом просвещения.

Тасенька нахмурилась. Она обиделась за бабушку, которую называли необразованной, а сама старушка в который раз не расслышала:

– Чего-чего? Какое освещение?

– Просвещение, – пояснила ей Тасенька и пересказала слова Пети.

Кажется, чета Бобричей надеялась, что Белобровкина не поймёт намёка, но старушка всё поняла и решила дать отпор обидчику:

– Ишь! Просвещение! – воскликнула она. – Это ваше просвещение такие выдумки рождает, что в упырей скорее по-

веришь, чем в эти небылицы.

– Выдумки? – удивился Петя.

– А то! – продолжала наступление Белобровкина. – К примеру, как же можно верить, что люди ведут свой род от обезьян! А ведь эту небылицу просвещённые люди придумали.

– Теория не доказана, – с нарочитым спокойствием сказал Петя и отпил из чашки. – Но учёные, мнению которых я доверяю, говорят, что между человеком и современными обезьянами есть дальнейшее родство.

– А кто говорит? – спросил Ржевский. – Неужели Кант?

– Нет. – Петя повернулся к нему. – Хотя в его сочинениях я встречал замечания, указывающие на то, что Кант эту теорию знал.

– А кто тогда?

– Георг Лихтенберг.

– А ещё кто? – продолжал допытываться поручик, потому что вспомнил одно выражение про обезьян, которое слышал от полкового приятеля. Приятель был весьма начитан, а теперь Ржевский решил воспользоваться чужой мудростью, чтобы блеснуть.

– Других вы точно не знаете, – снисходительно произнёс Петя, а поручик хитро прищурился:

– Может, и знаю. Помнится, один учёный сказал, что человек похож на обезьяну, потому что тоже стремится залезть повыше. Обезьяна за плодами лезет, а человек – за чинами и орденами, но чем выше залезет, тем лучше обезьянья зад-

ница видна. – Ржевский громко захохотал. – Умно сказано? А? Умно?

– Кто же автор сего афоризма? – Петя чуть сморщился. Его явно раздражал смех поручика.

– Фрэнсис Сало.

– Кто?

– А господин Сало откуда родом? – спросила Тасенька.

– Англичанин, – любезно пояснил Ржевский.

– Может, это Фрэнсис Бэкон? – предположила Тасенька.

– Точно! – Поручик хлопнул себя по лбу. – Бэкон, а не сало! – Ржевский с виноватой улыбкой оглядел присутствующих. – Но цитату я привёл точно. Этот Сало... то есть Бэкон говорил, что человек на обезьяну похож.

– Человек – разумная обезьяна! – провозгласил Петя. Наверное, опять кого-то цитировал.

Тасенька меж тем пересказывала бабушке суть разговора, но бабушка не дослушала и громко проворчала:

– Мало ли, кто на кого похож! Вот семейство Бобрчей на бобров похоже. Все кроме хозяйки. И что ж теперь?

– Вы хотите сказать, что не все люди – разумные обезьяны? – не понял Ржевский. – Есть также разумные бобры?

Тасенька повторила вопрос бабушке.

– Нету никаких разумных обезьян и бобров, – вконец рассердилась Белобровкина. – Есть только неразумные. А есть и люди неразумные.

– Но позвольте! – воскликнул Петя. – Нельзя же вот так

отвергать все научные идеи! Ведь учёные...

– Учёные тоже неразумные бывают, – ответила Белобровкина, расслышав с первого раза, потому что младший Бобрич говорил громко.

– Учёные – это лучшие умы! – воскликнул Петя.

– Даже лучшие умы могут ошибаться, – осторожно заметила Тасенька. – Я недавно читала рассуждения Канта о России...

– О! – младший Бобрич весь расцвёл. – Вы читали его «Лекции о физической географии»? Таисия Ивановна, кажется, вы первая русская девушка, которая осилила это сочинение. Позвольте выразить вам мой восторг!

– Я не целиком прочла, – осадил Петю Тасенька. – Но обнаружила там много странного. Например, Кант пишет, что русские не глупы, а вскоре после этого пишет, что глупы. Этот великий ум противоречит сам себе.

Петя растерялся, хотел что-то сказать, но Тасенька не дала ему опомниться:

– А ещё Кант пишет, что в Оренбургской губернии коренные жители настолько дикие, что у них есть обезьяний хвост. И когда я это прочла, то не удержалась от улыбки. Конечно, Оренбургская губерния – глушь, но не настолько же!

– Вот и правильно, внученька, – сказала Белобровкина. – Не верь. Придумают ещё! В оренбургской степи – обезьяны! – Она насмешливо посмотрела на Петю. – Я университетов не кончала, но знаю, что в степи всё больше овцы да

кони. А тут вдруг – обезьяны! Да ещё разумные! Может, в Оренбурге овцы с конями тоже разумные?

Младший Бобрнич потупился, но вдруг бросил неприязненный взгляд в сторону Ржевского.

– Одного разумного жеребца я знаю. Но живёт он не в Оренбурге.

Поручик покосился на Петю:

– А где же?

Хозяйка дома тут же всполошилась:

– Не всё ли равно, Александр Аполлонович? Хотите ещё чаю?

– Нет-с, – поручик залпом допил чай и поставил чашку на блюде. – Но я хотел бы переговорить с Таисией Ивановной без свидетелей.

Белобровкина вскинула брови:

– Свататься будешь? Дозрел наконец?

Петя побледнел и осипшим от волнения голосом проговорил:

– Как? Свататься?

Ржевский молча смотрел на «бобрёнка» и даже не улыбался, хотя внутренне хохотал, наслаждаясь эффектом. Особые взгляды, которые Петя бросал на Тасеньку, конечно, означали только одно. А косые взгляды, бросаемые на Ржевского, означали, что «бобрёнок» видит рядом соперника, и вот теперь поручик решил на этом сыграть.

– Нет, так нельзя... – начал было Петя, но Тасенька не

дала ему договорить и кивнула Ржевскому.

– Охотно прогуляюсь с вами по аллее, Александр Аполлонович. Я полагаю, что у вас ко мне дело? Поэтому вы и приехали сегодня?

– Именно так.

– Но вы же не собираетесь свататься?

Петя, по-прежнему бледный, чуть порозовел, услышав этот вопрос, а Ржевский досадливо вздохнул, потому что не мог ещё больше досадить «бобрёнку», сохраняя двусмысленность ситуации.

– Никак нет, Таисия Ивановна! Мы же с вами приятели. Но дело весьма важное.

* * *

Как только лакей помог Тасеньке выбраться из-за стола, Ржевский подал ей руку и под пристальными взглядами всех Бобричей повёл прочь.

Даже тогда, когда поручик повернулся спиной, он продолжал чувствовать эти взгляды, а Тасенька будто ничего не замечала. Лишь после того, как тропинка, тянувшаяся от беседки через поляну, вывела на берёзовую аллею, девица вдруг остановилась и прыснула со смеху.

– Александр Аполлонович, спасибо вам.

– За что? – Поручик тоже остановился.

– За то, что благодаря вам я, кажется, опять не выйду замуж.

– За кого?

– За младшего Бобрича.

– Он сделал вам предложение? – удивился Ржевский.

– Почти, – ответила Тасенька. – Он предложил мне познакомиться с собранием сочинений Канта.

– Да, это серьёзный шаг, – сказал Ржевский. – Ведь если что, жить вам придётся втроём: Петя, вы и собрание сочинений Канта. Так что с Кантом невесту надо познакомить прежде, чем жениться.

Тасенька шутку не оценила. Точнее – приняла её очень серьёзно:

– Ох, Александр Аполлонович! – воскликнула она. – Мне такое даже представить страшно. Если б я могла предположить, чем всё обернётся, то никогда бы не призналась младшему Бобричу, что знаю немецкий.

– Что ж вы так неосмотрительно себя повели?

– Ничто не предвещало опасности, – ответила Тасенька и, снова взяв Ржевского под руку, повела вперёд по аллее. – Когда я только приехала сюда, младший Бобрич отнёсся ко мне равнодушно. Я думала, что так и дальше будет, но однажды его маменька попросила, чтобы он занял меня беседой. Он спросил о моём круге чтения. Я проговорила, что мне нравится Гёте.

– А Гёте – это немецкий писатель? – уточнил Ржевский.

– Поэт, – ответила Тасенька и продолжала: – Когда младший Бобрич это услышал, то насмешливо поднял брови и

сказал: «Читали во французском переводе? Не верю, что вы знаете немецкий». Тогда я рассказала, что меня с семи лет обучал гувернёр-немец. Мои родители наняли его для моего младшего брата, потому что этого немца им очень хвалили. Но брату тогда было всего три года, а мне – уже семь, так что гувернёр предложил заняться моим образованием, а позже даже женился на моей французской бонне. Гувернёр и бонна сначала совсем не понимали друг друга, ведь она говорила только по-французски, а он – по-немецки и немного по-русски. Я сделалась у них переводчиком, и даже когда они сошлись ближе...

– Очень интересно, – сказал Ржевский. – Продолжайте.

– ...Но это всё не важно. – Тасенька тряхнула головой и пошла дальше по аллее, увлекая за собой поручика. – В общем, когда младший Бобрич об этом услышал, то заговорил со мной по-немецки, ввернув один непереводаемый каламбур.

– Что-то вроде «херлихер хер»? – спросил Ржевский. – Удивительно, что у немцев это значит «прекрасный человек». Ведь звучит так, будто не хвалят, а шлют подальше.

– Нет, не этот каламбур, – отвесила Тасенька. – И я вам не смогу его перевести.

– Ну и ладно.

– В общем, я ответила в том же духе, и следующие полчаса мы беседовали по-немецки. Вот тогда-то я заподозрила неладное, потому что его взгляд стал такой... такой... Даже

не знаю, как сказать...

– Понятно. – Поручик кивнул.

– Но я уже не могла исправить впечатление о себе, а ещё через полчаса младший Бобрич предложил...

– Что-то неприличное?

– Да если бы! – в крайнем волнении воскликнула Тасенька. – Если бы он предложил такое, я бы отказалась, не боясь показаться неучтивой гостьей. Но он вручил мне восемь томов сочинений Канта и сказал, что будет счастлив, если я прочту на досуге и выскажу своё мнение. Я из учтивости взяла их.

– Восемь томов? – переспросил поручик.

– Да.

– На немецком?

– Да.

– Ужас какой-то.

– Как я рада, Александр Аполлонович, что вы меня понимаете! – воскликнула Тасенька. – Вот бабушка не понимает. Она говорит: «Потерпи. Ради замужества и не такие жениховские причуды терпеть можно». А я не хочу это терпеть. И замуж не хочу.

– Тогда надо было в беседке сохранить интригу, – сказал Ржевский. – Если б все думали, что я хочу сделать вам предложение, Петя даже не пытался бы посвататься.

– Теперь он в любом случае поостережётся. – Тасенька улыбнулась, но тут же погрустнела: – А интригу всё равно

надолго не растянуть. Ведь когда мы вернёмся, все спросят, о чём мы говорили. И придётся рассказать правду. Кстати, вы так и не сказали, Александр Аполлонович, что у вас за дело.

Ржевский смутился, что случилось с ним крайне редко.

– Видите ли... У меня крепостная пропала.

– Я чем-то могу помочь? – неуверенно спросила Тасенька.

– Можете.

– Но чем?

– Ну как... – Ржевский, по-прежнему смущаясь, начал рассказывать всё по порядку: – Она дворовая девка. Полушей звать. Вчера днём ушла из усадьбы и никому не сказала, куда собралась. Думали, к вечеру вернётся, но нет. И сегодня с утра не вернулась. Другие дворовые не знают, что думать, только руками разводят. – Поручик низко склонил голову и пробубнил в усы: – Тасенька, вы же большая умница и догадливая, поэтому на вас вся надежда. Подумайте, куда Полуша могла деться. Может, ваша бабушка права? Может, это упырь проказит?

– Вы думаете, что вашу крепостную украл упырь? – Тасенька округлила глаза.

– А что? – Поручик перестал смущаться. – Не похоже?

– Александр Аполлонович, на дворе девятнадцатый век, а не дремучее Средневековье! Как можно делать такие предположения! Если вашу крепостную украли, то это не упырь...

– А кто?

Тасенька лукаво улыбнулась и спросила:

– У Полуши есть жених?

– Что?! – Ржевский взглянул на собеседницу так грозно, что та отпрянула и больше не решалась взять его под локоть. – Какой ещё жених! – в крайнем возмущении крикнул поручик. – Если б она вздумала с кем-то крутить на стороне, я бы её сразу уличил. У меня на такие вещи глаз намётан!

– Вы хотите сказать, что состоите с Полушей в интимной связи? – осторожно спросила Тасенька.

– Ну состою. А что? – в свою очередь спросил Ржевский.

Он немного успокоился, поэтому Тасенька смотрела на него с меньшей опаской. И всё же продолжить прогулку не решилась, села на белёную деревянную скамейку меж двумя берёзами.

– Вы только не сердитесь, Александр Аполлонович, но я должна спросить.

– Спрашивайте, – уже совсем спокойно и даже любезно ответил поручик, понимая, что дал маху.

– Это правда, что за те два года, что вы живёте в своём имении, у вас число крепостных увеличилось вдвое? – Тасенька старалась спрашивать беспристрастно, но слегка покраснела.

– Ну... Может и увеличилось. А что?

– А с Полушей вы давно состоите в связи?

– Наверное, все два года и состою. Может, чуть меньше.

– А она за это время рожала? – Тасенька покраснела ещё больше.

– Хм. – Ржевский задумался. – Нет, не рожала. Но к чему вы клоните, Таисия Ивановна?

– А есть ли у вас в деревне или поблизости некая знахарка? Ну, которая сведуща в женских делах.

– Не знаю, – поручик пожал плечами. – К чему вы клоните, Таисия Ивановна?

– Я полагаю, – Тасенька совсем зарделась, – что если Полуша, с которой вы состоите в связи, ушла и никому ничего не сказала, то она отправилась к знахарке.

– Зачем? – не понял Ржевский, но тут же догадался: – А! Полуша беременна?

– Думаю, да.

– А зачем пошла-то? За женской консультацией?

Тасенька со вздохом опустила глаза и уже не смущалась, а посмурнела.

– Если Полуша никому ничего не сказала, то, вероятно, она решила тайком избавиться от ребёнка.

– Ну... Если уж решила, то, может, так оно и лучше. – Ржевский почесал в затылке.

– А если до сих пор не вернулась, – продолжала Тасенька, – это значит, что ей там, у знахарки, стало плохо.

– Что?! – вскричал поручик и даже не заметил, что его собеседница аж подпрыгнула на скамейке. – Что же делать? – Ржевский кинулся было дальше по аллее, затем вернулся и

в растерянности остановился на прежнем месте. – Что делать-то?

– Если всё действительно так... – К Тасеньке вернулась прежняя осторожность. – Если всё так, то надо как можно быстрее найти Полушу и показать хорошему доктору. А без врачебной помощи дело может кончиться плохо. – Она с натужной улыбкой продолжала: – Но вы не переживайте, Александр Аполлонович. Может, я ошиблась в догадках. Я же не провидица.

– А если не ошиблись? – Ржевский сел рядом на скамью. – Тасенька, едемте сейчас со мной. Поможете искать Полушу.

– Но чем я помогу? Знахарку вы найдёте и сами.

– А если не найду? – Ржевский вскочил и начал ходить перед скамейкой туда-сюда. – А если там ещё загвоздка возникнет? Мне ж придётся опять ехать к вам за советом, а это долго. – Он схватился за голову. – Тасенька, ну не понимаю я ничего в женских делах!

– Александр Аполлонович, я тоже в этом понимаю мало. Я ведь даже не замужем, а в книгах о многом умалчивается, так что чтением не восполнить пробелов.

Ржевский перестал ходить взад-вперёд и держаться за голову, но не успокоился:

– Вы понимаете мало, а я вообще ни х... – На звуке «х» поручик вдруг опомнился и закончил неожиданно прилично: – ...нихт ферштейн. Так что ли по-немецки «не понимаю»? – Он молитвенно сложил руки: – Тасенька, поедемте! Мне без

вас никак. Даже если вы мне на бумаге всю диспозицию нарисуете, я и тогда не буду уверен, что разберусь. Поедемте.

Собеседница в волнении закусил губу и, наконец, согласилась:

– Хорошо. Ведь если из-за моей нерешительности случится беда, то я...

– Вот и прекрасно. – Ржевский облегчённо выдохнул.

– Но я могу поехать только с бабушкой, – сказала Тасенька. – Одной мне никак нельзя. А если не удастся её уговорить...

– Это предоставьте уладить мне, – сказал Ржевский и предложил Тасеньке локоть, чтобы вести её обратно в беседку.

* * *

Возвращаясь в беседку, Ржевский увидел ту же картину, которую наблюдал, когда уходил. Все Бобричи, сидя за столом и забыв о чае, весьма пристально смотрели на гостя. И для этого были причины. Петя Бобрич боялся потерять Тасеньку. Алексей Михайлович, желая счастья сыну, не хотел упускать такую невестку, да и за дочерей беспокоился, ведь если бы Ржевский сошёлся с Тасенькой, то не смог бы стать женихом ни для Машеньки, ни для Настеньки. Жена Алексея Михайловича тоже беспокоилась обо всех трёх своих детях. Сёстры Бобрич беспокоились за себя и за брата.

И всё же никто из обеспокоенного семейства не спросил,

о чём шла речь на аллее. Об этом спросила Белобровкина, которая задумчиво покусывала размоченную баранку, но встрепелась, как только внучка с поручиком подошли достаточно близко.

– Ну что? О чём болтали? – Старушка кинула баранку на блюдец.

Тасенька собиралась ответить, но Ржевский опередил её и произнёс очень громко, чтобы глухая Белобровкина расслышала с первого раза:

– Я предложил Таисии Ивановне со мной уехать.

Да, полчаса назад Ржевский говорил, что свататься не будет, но одно другому не противоречило: похищение невесты не предполагает сватовства.

– Ишь ты! – Белобровкина всплеснула руками. – Увозом жениться хочешь?

– Родители Таисии Ивановны мне благословение не дадут, – всё так же громко ответил поручик.

– И то верно, – согласилась Белобровкина, но тут же задумалась: – Всё ж не знаю, отпускать тебя с внучкой или нет. А вдруг ты увезёшь, а не женишься?

– А вы езжайте с нами. – Ржевский лучезарно улыбнулся. – Правда, у меня коляска маловата. Там помещаются только двое пассажиров.

– Не беда. – Старушка улыбнулась в ответ. – Внушенька, вели закладывать нашу коляску. Она большая, все поместится.

Меж тем старший Бобрич первый из всего семейства опомнился и обратился к Тасеньке, которая как раз уселась за стол на прежнее место:

– Таисия Ивановна, вы в самом деле собираетесь бежать?

– Что вы, Алексей Михайлович! – ответила она, но говорила не настолько громко, чтобы бабушка услышала. – Александр Аполлонович шутит. Мы всего лишь едем с ним на прогулку. К обеду вернёмся.

– Но зачем вся эта комедия? – не понял старший Бобрич.

– Я очень хочу поехать, – сказала Тасенька, – но боюсь, что бабушка не захочет, а одной мне нельзя. Вот Александр Аполлонович и придумал шутку.

– А! – Бобрич тихо хохотнул и глянул на Ржевского, который за стол не садился и как раз с почтением целовал руку Белобровкиной.

– А знаешь, – говорила поручику старушка, – ведь в своё время за мной ухаживал сам Казанова. Но ты – не хуже.

Хозяин дома снова хохотнул и зашептал Тасеньке:

– Если так, то мешать не буду. Александр Аполлонович – человек порядочный. Пускай он вас увозит, но к обеду привезёт. Заодно пусть и сам на обед останется. А в качестве залога оставим у себя имущество Александра Аполлоновича – коляску. Всё равно он вас увозит в вашем экипаже.

– Отец, позвольте не согласиться! – вмешался Петя. – Я полагаю, что мы не можем отпустить нашу гостью вот так. Это скандал!

В отличие от отца Петя говорил громко, поэтому Белобровкина услышала его и с ходу припечатала:

– А тебя не спрашивают. Если сам свататься хотел, то раньше надо было!

И всё же младший Бобрич не сдавался:

– Отец, позвольте мне ехать с ними. Дайте экипаж.

Жена Бобрича эту идею поддержала и обратилась к Тасеньке:

– В самом деле. Пусть Петя с вами прокатится.

Тасенька ещё не успела ничего ответить, а Петя совсем распалился:

– Я намерен сопровождать Таисию Ивановну в любом случае. С кучером рядом сяду, если иного выхода не будет.

Меж тем Белобровкину больше занимали бытовые хлопоты:

– А едем прямо сейчас или, может, повременим, чтобы вещи собрать?

– Ну кто же увозит барышню с вещами! – воскликнул Ржевский. – Вещи после, если надо будет.

– И то верно, – согласилась Белобровкина и обратилась к Тасеньке: – Внушенька, что там с экипажем? Ты распорядилась?

... Через полчаса из ворот усадьбы Бобричей выехали два экипажа.

Первый – большая коляска с опущенным верхом, запряжённая парой рыжих коней. В ней сидели рядом две особы,

закрываясь от солнца кружевными зонтиками, а напротив них, вальяжно закинув ногу на ногу, сидел гусар и указывал кучеру, куда править.

Следом двигалась двухколёсная колясочка – таратайка, – запряжённая одной вороной лошастью. Кучера у этой таратайки не было. Лошадью управлял единственный пассажир, одетый в крестьянский костюм.

Выехав на широкую дорогу, тянущуюся меж полями, большая коляска прибавила ходу, поднимая за собой облако пыли, а в самый хвост этого облака вынужденно пристроился второй экипаж.

Запряжённая в таратайку вороная, привычная ко всему, бежала вперёд с совершенно флегматичным выражением морды. А вот пассажир к пыли не привык, но и отступать не собирался, поэтому досада, поначалу отразившаяся на его лице, вскоре сменилась стоическим терпением.

* * *

В имение Ржевского добирались примерно час, но за час поручик так и не успел обсудить с Тасенькой план действий.

Причиной этому стала Белобровкина, которая всю первую половину пути спрашивала:

– Александр, а когда ж твои земли начнутся? Скоро?

Всю вторую половину пути старушка интересовалась:

– А вот это поле твоё? А вон тот лес? А вон те луга? А вон то стадо коровье?

Поручику каждый раз приходилось объяснять, что границы его владений вовсе не так широки, и лишь последние пять минут дороги он мог отвечать, почти не глядя:

– Это моё. И это моё. И это.

Когда коляска, в которой Тасенька и Белобровкина везли своего «похитителя», миновала деревню Горелово и въехала в ворота усадьбы, перед крыльцом барского дома тут же собралась толпа.

Дворня не знала, кто приехал с барином, но на всякий случай согнулась в поясном поклоне и не разгибалась, пока барин любезно помогал своим гостям выйти из коляски: сначала – девице, а вслед за тем – старухе.

– Ну что ж, дворня вышколенная, – удовлетворённо сказала Белобровкина, после чего все спины, наконец, разогнулись.

– Не возвращалась? – со слабой надеждой спросил Ржевский, но по лицам дворни было и так понятно, что новостей о Полуше нет.

– Что будем делать, Таисия Ивановна? – обратился поручик к Тасеньке.

– Осмотримся, – ответила она.

– Да, осмотреться не мешало бы, – сказала Белобровкина, направляясь в дом, и оглянулась с порога: – А где у вас церковь? Венчаться-то надо.

– В усадьбе нет церкви, – ответил Ржевский. – Есть в деревне.

– Плоховато, но что ж делать, – проворчала Белобровкина и ушла в дом, а оттуда крикнула: – Квасу мне подайте!

Кухарка Маланья и одна девка кинулись к ней, остальная дворня молча ожидала указаний барина и, кажется, никто не заметил, когда рядом с коляской остановилась таратайка. Из таратайки вылез Петя.

– Таисия Ивановна, – начал он, подойдя к Тасеньке, – я полагаю, что шутка затянулась. Ваша бабушка уже про церковь рассуждает.

Ржевский хотел сказать «бобрёнку», чтоб помалкивал, но Тасенька сделала это сама – очень строго и серьёзно произнесла:

– Пётр Алексеевич, у меня здесь важное дело, и я вас прошу мне не мешать.

– Важное дело? – переспросил Петя, но Тасенька уже не слушала его и обернулась к Ржевскому:

– Александр Аполлонович, укажите мне, пожалуйста, кто из вашей дворни хорошо знает Полушу.

Ржевский опять засмутился, как тогда на аллее, потому что пришлось представить Тасеньке свой гарем:

– Вон – Груша и Дыня... то есть Дуня.

Чтобы одолеть смущение, поручик нарочито строго сказал:

– Груша, Дуня, идите сюда. А остальным разойтись! Займитесь делом. – Он посмотрел на конюха, выделявшегося в толпе среди прочей дворни высоким ростом и лохматой чёр-

ной бородой: – О лошадях позаботься, но не распрягай.

Обе дворовые девки меж тем с опаской смотрели на Тасеньку и ещё больше испугались, когда Ржевский сказал:

– Таисия Ивановна сейчас станет вам вопросы задавать, а вы отвечайте честно. Ничего не утаивать!

Тасенька сощурилась, а выражение лица у неё сделалось, как у следователя, причём очень въедливого.

* * *

Перед крыльцом барского жилища остались только Ржевский, Тасенька, Груша с Дуней и также Петя, который недоумённо выглядывал из-за плеча Тасеньки, пытаясь понять, что происходит.

Рядом были ещё конюх с помощником, но они занимались лошадьми и в беседу не вслушивались.

– Вы Полушу хорошо знаете? – спросила Тасенька у Груши с Дуней.

– В одной комнате живут! Куда уж лучше! – воскликнул Ржевский.

– Александр Аполлонович, не перебивайте, пожалуйста, – попросила Тасенька. – Пусть они сами скажут. Вот ты, Груша, скажи.

– Больше года под одной крышей живём, – ответила та. – Я раньше в деревне жила, а барин меня приметил и в усадьбу взял, в горничные. А Полуша уже тут была.

– Полуша здесь с детства живёт, – добавил Ржевский. – Её

мой отец взял в усадьбу. Полуша рано сиротой осталась, вот он её и причислил к дворне, чтоб с голоду не умерла.

Тасенька не решилась второй раз сделать поручику замечание и продолжила расспросы:

– А теперь ты, Дуня, скажи.

– А я полгода. – Ответила та. – Меня барин полгода назад взял в горничные.

– А Полуша хорошо ли к вам относится? – спросила Тасенька. – Может, косо смотрит?

Девки, сразу поняв, к чему вопрос, заулыбались, а Груша сказала:

– Что вы, барышня! На меня Полуша только поначалу смотрела косо, но скоро обрадовалась. Говорит: «Теперь хоть спать иногда можно, а то раньше ни одной ноченьки толком не спала». – Груша покосилась на барина. – Ты ж сам велел правду говорить, вот я и передаю Полушины слова. Она говорила: «Барину легко! Он может по ночам игрища устраивать и после спать, пока спится, а горничным так нельзя. Горничным надо пораньше вставать да работать». Вот и ходила она, как муха сонная, пока я не появилась. Так что мы с ней скоро поладили.

– И со мной они поладили, когда я появилась, – добавила Дуня. – Ведь чем нас больше, тем нам всем легче.

Когда девки рассказывали о тяготах своей жизни, Ржевский призадумался, но Груша и Дуня, увидев это, сразу принялись ластиться, каждая со своего боку:

– Что ты, барин! Мы же всем довольные! Уже и поворчать нельзя.

– А Полуша? – настороженно спросил поручик. – Может, она была недовольна?

– И она довольна была. Вот те крест, барин. – Обе девки дружно перекрестились.

Тасенька тоже задумалась, но о чём-то своём, а затем сказала:

– Я бы хотела осмотреть комнату, где живут Груша, Дуня и Полуша. А также взглянуть на Полушины вещи.

– Пойдёмте, – сказал Ржевский и, мягко стряхнув повисший на нём гарем, направился в дом.

– А что мы расследуем? – подал голос Петя, когда все вошли в переднюю и свернули в коридорчик направо. – Что случилось с Полушей?

Поручик обернулся на ходу:

– Расследуем не мы, а Таисия Ивановна. И вы ей не мешайте. А что случилось с Полушей, я сам хотел бы знать.

За этими объяснениями Ржевский чуть не пропустил дверь, но Груша с Дуней вовремя потянули барина за рукава, а Тасенька меж тем проскользнула вперёд и уже осматривала комнату.

Поручик сам бывал здесь редко и, оглядев обстановку, лишь отметил, что ничего не изменилось. Порядок – как в образцовой казарме: кровати, поставленные в ряд, аккуратно застелены, личные вещи убраны.

– Где вещи Полуши? – спросила Тасенька.

Груша указала на кованный сундучок возле средней кровати. Тасенька попробовала крышку – не заперто ли, а затем опустилась перед сундучком на колени и начала сосредоточенно перебирать слои вещей.

– Александр Аполлонович, – наконец сказала она, поднимаясь, – всё самое ценное на месте: праздничный сарафан, праздничная рубашка, сапожки новые. Если бы Полуша решила покинуть усадьбу и не возвращаться, то взяла бы всё это с собой. Вещей не так много. Можно в одном узле унести.

Ржевский тяжело вздохнул. Он и раньше не верил, что Полуша могла сбежать. А осмотр сундука лишь подтвердил начальную версию – Полуша собиралась вернуться ещё вчера, но случилось что-то нехорошее.

– Не собиралась она бегать, барин, – уверенно произнесла Груша, опять пытаясь ластиться к Ржевскому.

– Откуда ты знаешь? – с подозрением спросила Тасенька. – Тоже в сундук заглядывала?

– А зачем заглядывать? – Груша пожалала плечами. – Мы же видели, как Полуша уходила. Если б она с собой взяла много, мы бы заметили.

– А она что-то взяла? Она не с пустыми руками ушла? – Тасенька опять прищурилась, как въедливый следователь. – Что у неё с собой было?

– Корзинка, – сказала Груша. – Почти пустая.

Ржевский, вспомнив свою вчерашнюю попытку расспро-

силь Грушу и Дуню, враз посуровел:

– И вы не спросили, куда это она с корзинкой? Посчитали, что скоро вернётся? Выходит, вам до Полуши дела нет?

Груша отпрянула от барина, а Дуня, всё это время стоявшая с другого боку, потупилась.

– Ведь только что хвалились, как с ней поладили! – продолжал поручик. – Да и я вам не раз говорил на счёт этого. Что в полку самое главное, а?

– Дух товарищества! – хором ответили Груша и Дуня.

– А вы что же? – строго спросил Ржевский, поочерёдно глядя на обеих девок.

Дуня вдруг подала голос:

– Ну... я спросила. – Она по-прежнему стояла потупившись, вперив взгляд в свою грудь, так что и поручик обратил на грудь внимание.

– Дынька! Тьфу... Дунька! – в сердцах крикнул он. – А чего ж ты вчера соврала?!

– Не врала я, – плаксиво ответила Дуня. – Это Груша сказала, что мы не спросили. А я промолчала.

– Грушка! – крикнул поручик. – Ты зачем врешь?!

– Полуша сама нас просила, чтоб не говорили ничего, – так же плаксиво, как и Дуня, ответила Груша. – Она сказала: «Не говорите барину, даже если я задержусь чуток. Как приду, сама ему всё скажу».

– Рассказывайте сейчас всё Таисии Ивановне и мне! – Ржевский для острастки даже ногой топнул. – Подробно!

Дуня повернулась к Тасеньке:

– А рассказывать особо нечего. Когда барин вчера уехал, я сюда, в комнату пошла. Думала отдохнуть чуток, пока Маланья Якимовна не видит... Маланья Якимовна – это кухарка наша. И она же ключница.

– Давай покороче, – сказал Ржевский.

– Но барышня-то Маланью Якимовну не знает, – возразила Дуня и продолжала: – Прихожу, а Полуша как раз выходит. С корзинкой. В корзинке полотенце и ещё что-то. Я спрашиваю: «Ты куда?» Она: «До лесу и назад. Скоро приду». Я спрашиваю: «А чего тебе в лесу?» Я и вправду подумала: «Чего ей там делать?»

– Давай покороче, – повторил Ржевский, а Дуня опять стала возражать:

– Ты же велел, чтоб подробно. Да и барышня не знает, что в лес в эту пору не ходят. Там ни грибов, ни ягод. Разве что шишки старые.

– А Полуша что ответила? – перебил поручик.

– Она говорит: «Травки душистые собрать».

– Какие ещё травы? – Ржевский уже понял, что подробный рассказ не отменить.

– Вот и я удивилась, – ответила Дуня. – Говорю: «Какие травы? Они ж не дозрели. Вот когда пора сенокоса придёт, пособираешь». А она говорит: «В лесу травам своё время». Я призадумалась, а тут приходят Груша с Маланьей Якимовной.

– Что?! – вскричал Ржевский. – Маланья с вами заодно? Она тоже от меня правду скрывала?! Что за брожения в полку! Да что ж целый бунт во главе с младшим командным составом!

– Ну что ты, барин! – вскинулись Груша и Дуня. – Нету никакого бунта.

– Александр Аполлонович, пожалуйста, не кричите, – твёрдо, с расстановкой произнесла Тасенька. – Сейчас главное – дослушать историю до конца.

– Ладно, Дунька, верю, что ты не бунтарка, – Ржевский похлопал Дуню по плечу и даже хотел шлёпнуть по заду, чтобы закрепить примирение, но в последний миг постеснялся Тасеньки.

Груша, видя это, подошла к барину ближе, и тот почти незаметно ущипнул её за бок, тоже в знак примирения.

– Рассказывай дальше, Дуня, – мягко произнесла Тасенька.

– Да почти всё рассказано. Заходят Груша с Маланьей Якимовной. Маланья Якимовна мне и Полуше говорит: «Вот вы где, бездельницы!» Я говорю: «Полуша в лес идти хочет». А Маланья Якимовна оглядела её внимательно, на корзинку особо взглянула и спрашивает: «Ты куда собралась? К ведьме?»

– Что ещё за ведьма? – Ржевский нахмурился.

– Которая в лесу живёт, – ответила Груша.

– Там в самом деле ведьма? – недоверчиво спросила Та-

сенька.

– Знахарка, – пояснила Дуня. – А ведьмой её Маланья Якимовна называет, потому что знахарка не только лечит, но и другое может... – Дуня замолчала и не решалась продолжать.

– Помогает беременным избавиться от плода? – спросила Тасенька.

– Грех страшный. – Дуня перекрестилась, а вслед за ней и Груша.

– Но вы Полушу всё равно отпустили? – спросила Тасенька.

– А что делать? – Дуня пожала плечами. – Не запирать же её.

– Могли бы и запереть до моего возвращения, – сказал Ржевский.

– Маланья Якимовна сначала хотела, – сказала Дуня, – но Полуша вся слезами изошла, на колени перед нами встала. «Пустите» говорит.

– И вы отпустили? – укоризненно спросил Ржевский.

– Не сразу, – возразила Груша. – Сперва Маланья Якимовна начала её упырём пугать. Говорит: «Если сейчас уйдёшь, вдруг тебя упырь схватит».

Дуня решила пояснить для Тасеньки:

– Вы ж, наверно, не знаете, барышня, что к нам наемни упырь приезжал. Богатый. Сам в коляске, с кучером. Хотел Полушу купить, но барин не продал. А Полуша очень этого

упыря испугалась, и вот Маланья Якимовна, чтоб Полушу в лес не пустить, стала её страшать: «Украдёт тебя упырь, если из усадьбы выйдешь».

Рассказ подхватила Груша:

– Полуша поначалу задумалась, а затем снова заплакала. «Что ж делать, если я на сегодня со знахаркой уговорилась?» Наконец решила: «Пойду», – говорит, а Маланья Якимовна рассудила, что ничего не поделаешь. Если Полушу даже страх перед упырём не удержит, то ничем её не удержать. Пусть идёт. А Полуша перед уходом попросила: «Не говорите барину, пока не вернусь».

Тасенька, слушая Грушу и Дуню, уже не выглядела следователем. Следователь рад, когда его догадка подтверждается, а Тасенька загрустила и посмотрела на Ржевского так, будто просила прощения, что оказалась права.

– Где эта ваша ведьма-знахарка живёт? – спросил поручик.

– Про то Маланья Якимовна знает, – ответила Дуня.

Глава третья,

*в которой герой посещает логово ведьмы,
а также знакомится с дамой-вампиром*

Ржевский ринулся в гостиную, где в это самое время сидела в кресле и попивала квас из фарфоровой чашки старушка Белобровкина. Возле кресла стояла Маланья и как раз отвечала на очередной вопрос:

– Да в том же кресле, где вы сидите, упырь-то и сидел. Вон слева на подлокотнике даже следы когтей остались.

– Ох, нечисть! – воскликнула Белобровкина, приподнимая левую руку, чтобы рассмотреть бороздки на поверхности лакированного дерева. – Так значит, он говорил, что девка ему для театра нужна, а не чтоб кровь из неё сосать? Врал небось.

– Кстати о вранье, – сказал Ржевский, стоя в дверях. Из-за его плеч выглядывали Тасенька, Груша, Дуня и Петя.

Маланья изобразила на лице и во взгляде полное недоумение.

– А? Что такое, барин?

– Вот сниму тебя с постов ключницы и кухарки, тогда узнаешь, что такое, – грозно произнёс поручик. – В посудо-

мойки разжалую!

– Это за что же? – спросила Маланья.

– Чистосердечное признание и раскаяние облегчают вину, – сказала Тасенька, снова сделавшись похожей на следователя.

Маланья тут же бухнулась на колени.

– Прости меня, батюшка барин! Мудрила я, мудрила и перемудрила! – Она осенила себя крестом и склонилась почти до пола, а затем снова подняла голову. – Перемудрила, дура старая!

– Маланья, не надо крепких выражений, – пробормотал Ржевский, покосившись на Тасеньку, а затем на Белобровкину. – Здесь всё-таки дамы из приличного общества, а ты себя мудрилой и перемудрилой называешь... хоть и заслуженно.

Груша решила подать голос:

– Барин... Это не сквернословие. «Мудрила и перемудрила» значит «хитрила и перехитрила сама себя».

– Да, – добавила Тасенька. – Маланья не ругается. Она прощения просит.

А Маланья меж тем голосила:

– Я ж как думала: раз упыри днём не охотятся, то пускай Полушка в лес сбегает, пока светло. Я думала, что хуже будет, если мы её до вечера продержим и она в ночь убежит. Она ж девка бедовая – убежала бы всё равно! Да если б я знала, что упырь даже днём силён, я бы Полушку заперла! А что тебе, батюшка барин, я ничего не говорила, каюсь. Я

до последнего надеялась, что она вернётся, и что упырю не досталась.

– Опять ты про упырей! – всё так же грозно произнёс поручик. – Я тебе ещё вчера говорил, что про упырей слышать не желаю!

– Так ведь... – Маланья застыла в недоумении, которое на этот раз было искренним. – А как же каяться тогда?

Тасенька взялась пояснить и, выйдя из-за спины Ржевского, сказала:

– Маланья Якимовна, мы с Александром Аполлоновичем уверены, что упырей не существует. Это сказки.

– Да что ей объяснишь! – Ржевский досадливо махнул рукой, но посмотрел на кухарку более милостиво, чем минуту назад. – Маланья, ты лучше скажи, где живёт знахарка.

– Ведьма-то? – переспросила Маланья. – В лесу. Отсюда час ходу, через болото.

– Мне кто-то нужен в провожатые, – сказал Ржевский.

– А ты, барин, сам к ведьме собрался? – Маланья, всё ещё стоя на коленях, чуть оглянулась по сторонам, будто искала провожатого: – Тогда лучше не от нас иди, а через соседнюю деревню – через Пивуны. До них пять вёрст езды, зато от них до ведьминой избушки идти короче. За полчаса дойдёшь. И не по болоту, а по сухому лесу. В Пивунах эту ведьму многие знают. Спросишь там, посулишь награду – провожатый легко сыщется.

– Ты думаешь, я знаю, как в Пивуны ехать? – спросил по-

ручик. – Может, я и заезжал туда случаем, но теперь не помню. Провожатый всё равно нужен.

– Да ты возьми... – Маланья на мгновение задумалась, – да хоть конюха нашего Ерошку. У него там родня живёт.

– Ладно, хватит пол коленями протирать, – сказал Ржевский Маланье и повернулся к Тасеньке: – Таисия Ивановна, не хотите ли снова прокатиться?

– Конечно, поедемте, – ответила та, а Белобровкина встрепенулась:

– Куда это вы?

– Прокатимся до соседней деревни, бабушка, – ответила Тасенька.

– А церковь там есть? – спросила Белобровкина.

– Есть. Как не быть! – услужливо подсказала Маланья, подымаясь с пола.

– Раз так, то езжайте, – согласилась Белобровкина.

Она отпила из чашки ещё квасу и, приподняв левую руку, снова посмотрела на следы когтей упыря, оставленные на подлокотнике кресла.

* * *

Конюха Ерошку долго искать не пришлось, ведь именно ему Ржевский по приезду в усадьбу велел позаботиться о лошадях.

Услышав, что барина надо проводить до соседней деревни, Ерошка чуть пригладил ладонью лохматую тёмную бо-

роду и проворно устроился рядом с кучером на облучке коляски, в которую сели поручик и Тасенька.

– До Пивунов от нас близко, барин, – сказал конюх, когда экипаж тронулся. – Туда и пешком дойти недолго. И даже на четвереньках ползти – тоже не весь день.

– А ты туда ползал? – спросил Ржевский, поддерживая беседу.

Что делать в деревне, поручик с Тасенькой уже обсудил, а ехать в молчании не хотелось. Вот пусть провожатый и болтает.

– Туда – нет, а оттуда – было, – ответил Ерошка. – Племяннице моей в Пивунах свадьбу играли. Хорошо погуляли. Так хорошо, что после на ногах не держались. Когда пришло время домой вернуться, я в телегу забрался, но по дороге выпал. Сам не знаю, как так. Ерошка заснул немножко! – сказал конюх сам о себе и продолжал: – Очнулся и вижу, что телега без меня дальше катит, а я её не только догнать не могу, но даже на ноги встать. Кричу лошади «стой», а она, паскуда, делает вид, что не слышит. Пришлось мне дальше ползком. Добрался ещё засветло... А на конях-то мы в Пивуны враз доберёмся! – добавил он.

И не обманул. Прошло совсем мало времени после окончания рассказа, и вот впереди, за широким полем, у края дальнего леса показался ряд изб и высокая острая крыша деревянной церковной колокольни.

Ржевский огляделся. Кажется, здесь он раньше не бывал,

то есть никакие амурные приключения сюда его не заносили, потому что других причин посещать деревню, ему не принадлежащую, у поручика не было.

Меж тем коляска въехала на центральную площадь, миновала общий колодец и церковь, а затем по указанию Ерошки свернула к одному из дворов:

– Тут мой старший брат живёт – Иван Щербина. У него и спросим, как до ведьмы дойти, – пояснил конюх, соскакивая с облучка ещё до того, как коляска полностью остановилась перед запертыми дощатыми воротами.

Ржевский молча пожал плечами, предлагая Тасеньке довериться связям Ерошки, а конюх уже барабанил кулаком по доскам:

– Эй, хозяева, открывайте!

Открыла упитанная баба, которую Ерошка тут же вытянул за руку на улицу и представил барам:

– Это невестка моя – Алевтина.

– Здравствуйте, барин и барышня, – сказала та, степенно поклонилась, а затем вытянула шею, вглядываясь куда-то им за спины, и добавила: – И барчуку здравствовать.

Только теперь Ржевский и Тасенька заметили, что Петя по-прежнему сопровождает их, следуя за коляской в своей таратайке. Он был одет всё так же: в косоворотку, штаны и сапоги, но Алевтину это не ввело в заблуждение. Наверное, она заметила, что повадки у Пети не крестьянские и не как у слуги, который, даже вышколенный, во многом сохраня-

ет деревенские манеры. Петя даже в косоворотке выглядел дворянином.

– Иван-то дома? – спросил Ерошка.

– Муж-то? – задумчиво отозвалась Алевтина.

– А у тебя другие Иваны в дому есть? – нарочито рассердился Ерошка. – Конечно, я тебя про мужа твоего спрашиваю – моего брата. Дома он?

Алевтина оглядела всех приехавших:

– А вам зачем?

– Всё-то тебе расскажи! – продолжал сердиться Ерошка. – Не твоего ума дело, баба!

– Подожди, – встрепенулась Тасенька. – Мне кажется, что Алевтина нам лучше поможет, чем её муж. – Она обратилась к невестке Ерошки: – Нам нужна знахарка, которая живёт в лесу неподалёку. Мы ищем того, кто может к ней отвести.

Алевтина покосилась на Тасеньку:

– А вам, барышня, зачем?

– А вот это точно не твоего ума дело, – сказал Ржевский. – И, вообще, знахарка нужна не ей, а мне.

– А вам, барин, зачем? – спросила Алевтина.

– Да что ж за баба-то! – вскричал Ерошка.

Ржевский успел подумать, что зря доверился своему конюху и что лучше бы самому поискать того, кто отведёт к знахарке. Однако рассуждать – всегда проще, чем делать. Ведь в Пивунах поручик не знал никого. Не обращаться же к первому встречному! Или обратиться? Может, так и впрямь

быстрее?

– Ты скажешь, где муж? – меж тем кричал Ерошка на Алевтину. – Говори, а то я – вот Богом клянусь – сейчас пойду и напою твою свинью водкой, как в прошлый раз. Но тогда я случайно, а теперь умышленно! Что? Думаешь, у меня водки с собой нет? – Он хлопнул себя по голенищу сапога, но вдруг начал испуганно щупать то же место: – Где она? Выпала? – А ещё через мгновение раздался счастливый смех: – Она ж в другом сапоге! – Конюх хлопнул по другому голенищу и произнёс: – Вот она родимая. Здесь. Здесь! – Он чуть не пустился в пляс.

– Муж в поле, – нехотя произнесла Алевтина.

– Ну так ты его покличь, – сказал Ерошка. – Ипусти нас во двор. Чего перед воротами держишь?

Алевтина впустила оба экипажа во двор, весьма просторный, где, не мешая друг другу, ходили куры, несколько гусей, а также бегало четверо ребятишек, игравших в салки.

Поймав за шиворот самого старшего мальчика, которому было лет шесть, Алевтина строго велела ему сбегать в поле и позвать отца. После этого крестьянка ещё раз поклонилась барам, успевшим выйти из экипажей, и сказала:

– Милости прошу в дом.

...Войдя, Тасенька с любопытством оглядывалась по сторонам. Потрогала бок белёной печки, находившейся справа от двери. Внимательно оглядела ухват, чугунок и прочую кухонную утварь. Затем подняла голову, разглядывая полати.

Из этого поручик сделал вывод, что в крестьянских домах она ещё ни разу не была.

– Может, квасу? Или молочка холодного? – спросила Алевтина, и Тасенька уже приоткрыла рот, чтобы согласиться, но Ржевский, имея опыт в посещении крестьянских жилищ, вовремя вмешался.

– Не надо, – строго сказал поручик крестьянке, а Тасеньке пояснил: – В крестьянских избах можно пить только водку. На крайний случай – что-нибудь горячее, потому что в горячем зараза редко селится. А от холодного может пронести.

– Пронести? – не поняла Тасенька.

– Вы же знаете, что такое «понос»? – спросил Ржевский.

– Знаю. – Любопытство девицы тут же сменилось настороженностью. Тасенька по-новому оглядела избу, которую только что осматривала почти с восторгом.

Крестьянка истолковала это по-своему:

– Не бойтесь, барышня, клопов у нас нету.

– А мышей? – ещё больше насторожилась Тасенька.

– И мышей нету, – заверила её Алевтина. – Разве что ужики.

– Змеи? – Тасенька округлила глаза.

– Так ведь ужи – змейки не ядовитые, – поспешила объяснить крестьянка. – Да и заползают редко. А мышей у нас нету, совсем. И за это ужикам спасибо.

– А разве мышей не кошки ловят? – удивилась Тасенька.

– Ужики надёжнее.

Наконец, получив новые уверения, что мышей нет, а уж давно не показывались, Тасенька успокоилась и даже присела на лавку возле стола. Ржевский сел рядом, Ерошка – на лавку у печки, а Петя сесть не решился и остался подпирать стену возле дверей.

Вскоре после этого явился хозяин дома – Иван Щербина, широкоплечий мужик с тёмной бородой, у которого не хватало переднего зуба, отчего, судя по всему, и возникло прозвище.

– Здравствуйте, баре, – сказал он, низко кланяясь ещё в дверях. – Дошёл до меня слух, что вы к нашей ведьме дорогу ищите.

– К знахарке, – отозвалась Тасенька. – Нам нужен тот, кто может к ней отвести.

– Знаю такого. Отведёт и обратно приведёт, – сказал Иван Щербина, остановившись посреди комнаты. – А что дадите ему в награду?

Ржевский встал и порылся в кармане рейтуз:

– Рубль серебром.

– Маловато, – Щербина с явным недовольством покачал головой.

Тасенька полезла было в сумочку-мешочек, болтавшуюся у неё на руке, но поручик остановил. Что такое деревенский торг, барышня явно не знала и потому могла лишь испортить дело.

– Таисия Ивановна, не вмешивайтесь, – сказал Ржевский и

обратился к наглому крестьянину: – Кому маловато? Четыре штофа водки в кабаке можно купить.

– На четыре может и не хватить, – задумчиво заметил Щербина.

– На три точно хватит и ещё на закус, – уверенно ответил Ржевский.

– И всё-таки маловато, – сказал Щербина.

Тасенька снова хотела лезть в сумочку, но Ржевский угадал это намерение и шагнул к крестьянину, встав напротив лицом к лицу так, чтобы Щербина видел лишь своего визави и больше никого.

– Больше денег нет, – твёрдо сказал поручик.

– А может, съездите и найдёте? – спросил Щербина. – Ещё двадцать копеек серебряных. А?

– Съездить-то можно, – с нарочитой задумчивостью произнёс Ржевский, – но пока я буду ездить, может, мне кто более стоворчивый встретится.

– Ладно, – согласился крестьянин и крикнул. – Митька!

Из сеней в комнату вбежал темноволосый пострел лет двенадцати.

– Проводи бар к бабке Агафье, – сказал ему Щербина, – но сам в избушку не ходи. Постой поодаль, а как बारे выйдут, ты их обратно к нам проводишь.

– К чему такие предосторожности? – удивился Ржевский.

– Мало ли. – Щербина пожал плечами. – Без нужды к ведьме ходить не след.

Тасенька поднялась было с лавки, но поручик опять оставил:

– Таисия Ивановна, вам лучше подождать здесь. А то в лесу ветки. Ещё платье порвёте. Да и обувь у вас неподходящая. А мы с Ерошкой в сапогах. Мы вдвоём ходим.

При этих словах Ерошка вскочил на ноги, но вовсе не потому, что был готов отправиться в дорогу.

– Барин, а можно мне тоже остаться? – спросил он. – Я за барышней присмотрю.

– За ней вон тот юноша присмотрит, – сказал поручик, оглядываясь на Петю.

Тасенька досадливо вздохнула, но тут же смирилась, а вот Ерошка смириться не хотел:

– Барин, на кой я тебе там? Я тут больше пригожусь. Барчук про деревенские дела не знает. К примеру, выйдет барышня во двор погулять, а на неё гусь зашипит. Разве барчук догадается, что гусь ущипнуть может? А под моим присмотром ничего не случится. Свинья не укусит, коза не забодает, петух не клюнет. Даже вошь на барышню не прыгнет. Я на лету поймаю!

– Вшивых у нас нет! – возмущённо произнесла Алевтина. – Или ты, Ерофей, про своих вшей говоришь?

– Боюсь я к ведьме идти, барин, – признался Ерошка, но Ржевского это не тронуло. Поручик ещё с утра решил, что с крепостными надо построже, ведь дисциплина-то хромает! А теперь мало того, что у баб обнаружались секреты от ба-

рина, так ещё и конюх не слушается!

– Ничего, пойдёшь, – сказал Ржевский. – Я тебя в обиду не дам.

Ерошка понурился, но тут подал голос Петя:

– Я могу сходить с Александром Аполлоновичем. Я ведь тоже в сапогах.

– Вот! – встрепенулся Ерошка. – Пускай барчук идёт. А я за барышней присмотрю.

– Мне кажется, – продолжал Петя, обращаясь главным образом к Тасеньке, – что в лесу от меня будет больше пользы, чем здесь. Если вы согласны с этим, Таисия Ивановна, то предлагаю Александру Аполлоновичу свои услуги. Я хочу быть полезным.

Для Тасеньки это предложение стало приятным сюрпризом. И не столько потому, что позволяло избавиться от общества Пети, сколько потому, что сам этот «бобрёнок» благодаря своему поступку внезапно возвысился в её глазах.

Ржевский истолковал происходящее именно так, ведь Тасенька взглянула на «бобрёнка» благосклонно, а затем просительно посмотрела на поручика:

– Может, это действительно лучше? А ваш конюх пусть со мной останется.

– Ладно. – Поручик отмахнулся. – Всё равно, кто пойдёт. Мне главное, чтобы вдвоём, ведь если Полуша там, то одному мне нести её сюда тяжело. Для носилок нужны вторые руки.

– Я готов. – Петя одёрнул свою крестьянскую рубаху, а Тасенька, оставаясь всё такой же приятно удивлённой, сказала:

– Я вам очень признательна, Пётр Алексеевич. И я, право, не ожидала, что вы будете готовы принять живое участие в судьбе крестьянки, вам не знакомой.

Петя с достоинством кивнул:

– Всякий порядочный человек предложит помощь, если видит, чем может помочь. К тому же я стремлюсь следовать совету Канта: поступай так, чтобы каждый поступок можно было возвести в правило.

Упоминание Канта тут же свело на нет всё впечатление, произведённое на Тасеньку, но Петя, кажется, этого не заметил.

«И ведь неплохой парень, – вдруг подумал Ржевский, – но своим Кантом он кого угодно допечёт».

– Барин, пожалуйста сюда рублик, – меж тем произнёс Щербина, подставляя ладонь.

* * *

«На кой чёрт Полушка к знахарке ушла и меня не спросила?» – думал Ржевский, пробираясь меж ёлок и берёз по тропинке, едва заметной в лесной траве. «Ясное дело – по дурусти», – продолжал рассуждать поручик, но избегал думать о том, что эта дурусть может обойтись Полуше слишком дорого.

Мальчишка-проводящий уверенно шагал вперёд, иногда

оглядываясь, чтобы посмотреть, успевают ли за ним оба барина, и Ржевский тоже иногда оглядывался, чтобы проверить, здесь ли Петя. Младший Бобрнич мог заблудиться, ведь он, кажется, давно не бывал в русских лесах.

Любая разлапистая ветка, росшая на уровне Петиного лица, становилась серьёзным препятствием. «Бобрёнок» каждый раз заново изобретал способ поднырнуть под неё или отвести в сторону, а если попадал в паутину лесного паука, то и вовсе останавливался, неумело обирая с себя белые ошмётки.

Первые четверть часа шли молча, но затем Петя, освоившись и больше не задерживаясь по каждому пустяку, решился завести беседу.

– Александр Аполлонович, позвольте с вами серьёзно поговорить.

– О чём? – спросил Ржевский через плечо.

– По дороге в вашу усадьбу у меня было время подумать. И я пришёл к выводу, что нам с вами надо подружиться.

– Юноша, – ответил поручик, даже остановившись ради этого и глядя собеседнику в глаза, – я, конечно, благодарен за то, что сейчас вы мне помогаете, но для дружбы этого мало. И слово «надо» к дружбе плохо идёт. Дружба по принуждению не возникает. – Ржевский двинулся дальше по тропинке.

– Хорошо, Александр Аполлонович, я выражусь иначе, – поспешил признаться Петя, догоняя его. – Я заметил, что

Таисия Ивановна очень к вам привязана. Поначалу я расценивал вас как соперника, но теперь мне ясно, что вы и она – действительно друзья. А я хочу завоевать её сердце. И я понял: для того, чтобы понравиться ей, я должен понравиться вам.

Ржевский мысленно хмыкнул, а вслух бросил через плечо: – Вы не в моём вкусе, юноша.

– Я не в этом смысле! – воскликнул Петя. – Я хочу стать вашим другом. Скажу честно: у меня есть предубеждение против гусар. Я полагаю, что все они глупцы и солдафоны. Но ради Таисии Ивановны я готов пересмотреть свои взгляды. Ведь не может быть, чтобы такая умная и образованная девушка выбрала себе в друзья эдакого полковника Скалозуба.

– Не знаю такого офицера, – опять бросил через плечо Ржевский.

– Скалозуб – это персонаж одной комедии, – объяснил Петя. – Она называется «Горе от ума». В Петербурге пользуется большим успехом, хотя даже не издана официально, и не было ни одной постановки. Может, слышали? А я совсем недавно о ней узнал и прочёл.

Ржевский напряг память. Да, в Твери ему кто-то говорил про «Горе от ума», и поручик тогда даже притворился, что читал. Однако сейчас не было смысла лукавить.

– Я что-то слышал, но не читал, – сказал он, не оглядываясь.

– Не важно. – Казалось, Петя стремился перегнать поручика, чтобы говорить всё-таки с ним, а не с его спиной. – Я понимаю, что вы не очень начитаны. Я сразу это понял. Но я был неправ, когда позволил себе из-за одного этого обстоятельства относиться к вам плохо.

– А что на счёт разумного жеребца? – спросил Ржевский, опять не оборачиваясь.

– Простите меня, Александр Аполлонович, – ответил Петя. – Мне не следовало так говорить.

Поручик продолжал молча идти вперёд.

– Так что же? – снова подал голос Петя. – Я могу надеяться, что мы с вами станем друзьями?

Ржевский молча шёл вперёд.

– Александр Аполлонович, прошу вас, ответьте, – не унился Петя. – От этого зависит моё счастье, потому что Таисия Ивановна мне очень важна. Я знаю её совсем не долго, но именно с ней я хотел бы связать свою жизнь. Кант говорил, что идеальная пара образует в духовном плане единую личность, и я убеждён, что с Таисией Ивановной у меня получится достигнуть такого единения.

– Если моя дружба вам нужна только затем, чтобы подобраться к Таисии Ивановне, – наконец сказал Ржевский, – то ничего не выйдет.

Петя у него за спиной печально вздохнул.

– Конечно. Вот и Кант говорит, что не следует рассматривать друзей лишь как средство достижения целей. Поэтому

я хочу, чтобы мы подружились искренне.

– Кстати об этом вашем Канте. – Ржевский снова остановился и повернулся, так что Петя, наконец, смог говорить не со спиной поручика, а глядя собеседнику в лицо. – Кстати о Канте, – повторил Ржевский. – Пётр Алексеевич, вам никто никогда не давал понять хотя бы намёком, что вы слишком много говорите о Канте? Так вот я вам намекаю.

– Я не так уж много о нём говорю, – возразил Петя.

Ржевский, делая упор почти на каждое слово, произнёс:

– А я вам намекаю, что вы слишком увлеклись.

– Вовсе не слишком! – упрямылся Петя.

– А Таисию Ивановну эта чрезмерная увлечённость насто-
раживает.

– Здесь не о чем беспокоиться. Увлечение в рамках разумного.

– Вы любите Таисию Ивановну? – спросил Ржевский.

– Я же только что вам об этом рассказывал в подробностях! – воскликнул Петя.

– А кого вы любите больше? Таисию Ивановну или Канта?

– Как можно сравнивать!

– И всё-таки. Кто вам дороже?

– Да я... мне... Как можно так ставить вопрос! – воскликнул Петя.

– Вот! – Ржевский многозначительно поднял указательный палец. – Потому я и полагаю, Пётр Алексеевич, что вы не сможете сделать Таисию Ивановну счастливой.

– Не смогу?

– Пока не избавитесь от своей болезненной увлечённости.

– Да вовсе это не болезнь!

– Не спорьте, юноша, – строго произнёс Ржевский. – Я всё сказал.

Разговор мог бы продолжаться и дальше, потому что Петя собрался возразить, но тут поручика дёрнул за рукав мальчишка-проводжатый.

Сын Ивана Щербины, заметив, что баре остановились и никак не движутся дальше, подошёл к ним и терпеливо ждал, пока они наспорятся. К тому же у мальчишки тоже было, что сказать важного:

– Мы пришли. Избушка вон там, за теми ёлками.

* * *

Раздвинув ветви елей, Ржевский вышел на светлую поляну, заросшую лесными цветами. Посреди поляны стояла избушка, похожая на те, которые строят себе охотники.

Забора с черепами или чего-то подобного, чего можно ожидать от жилища ведьмы, вокруг не было, но поручику представилось страшное – внутри домика, на лавке лежит Полуша, сама бледная как смерть, под глазами синие круги, а нос заострился, как бывает у умирающих.

Сердце ёкнуло. Ржевский почувствовал, что сохранять самообладание всё труднее, но был только один способ узнать Полушину судьбу.

Поручик быстро одолел расстояние от края поляны до избышки и стал стучать кулаком в дверь, но никто не открыл. На втором ударе дверь отворилась внутрь сама, потому что её не заперли. В избышке, кажется, никого не было, но полумрак не позволял разглядеть лучше.

Чтобы добавить света, Ржевский раскрыл дверь так широко, как только можно. Стали видны пустая лавка, плетённый короб, стол возле тусклого оконца, печка у дальней стены, а также подвешенные под потолком многочисленные пучки трав и кореньев.

Поручик шагнул внутрь, как вдруг в тёмном углу над печкой показались два светящихся зелёных глаза. Они смотрели прямо и не мигали.

– Чур меня! – невольно воскликнул Ржевский и перекрестился.

Из угла раздалось злобное шипение, а затем с печки спрыгнула некая тень, бросилась поручику под ноги и исчезла в открытой двери. Оглянувшись, Ржевский увидел, что по поляне к лесу бежит чёрный кот.

– Напугал, морда чертячья, – пробормотал поручик.

В избышку заглянул Петя.

– Здесь кто-нибудь есть?

– Только я, – ответил Ржевский.

– А где же ведьма... то есть знахарка?

– Очевидно, ушла куда-то.

Поручик огляделся. Вряд ли хозяйка, заметив незваных

гостей, спряталась неподалёку. Нигде не осталось рукоделья или следов другого занятия, которое поспешно бросили и скрылись.

Поручик потрогал печку: холодная. Потрогал тюфяк на печке: не сохранилось ли человеческое тепло. Нет, тепла не чувствовалось кроме как на том месте, где недавно сидел кот. Судя по всему, избушку покинули ещё утром.

– Что будем делать? – спросил Петя.

Этот вопрос поставил поручика в тупик.

Намечая план действий по поиску Полуши, Ржевский как-то не предполагал, что в избушке может вообще никого не оказаться. А ведь в этом не было ничего невероятного.

Теперь следовало решить, как поступить, но поручик, не очень надеясь на собственное разумение, обратился к богине Фортуне: «Фортунушка, ты так хорошо помогла мне с утра. Не оставляй меня и теперь. Как же мне уйти отсюда, не поговорив ни с кем? Подскажи, как действовать».

Фортуна молчала.

– Подождём часок, – наконец сказал поручик, выходя из домика. – Авось кто явится. А если нет, то вернёмся и с Таисией Ивановной посоветуемся.

И в этот самый миг Фортуна дала знак, что подождать – верное решение. Уже стоя снаружи избушки, Ржевский увидел старое тележное колесо, прислонённое к стене. И рядом – скамеечку.

Колесо – символ Фортуны! И богиня будто приглашала:

«Сядь и подожди».

Ржевский перекликнулся с мальчишкой-проводятым и, сообщив ему, что собирается остаться на час, уселся на скамеечке, привалившись спиной к бревенчатому срубу.

Сидя здесь, поручик мог держать в поле зрения наибольшую часть поляны. И хотя тени здесь не было, солнце почти не припекало.

Ржевский сорвал травинку и принялся жевать. Петя, усевшись рядом, занялся тем, что обирал с себя лесной мусор, который оказался настолько прилипчивым, что взмахом ладони не стряхнёшь.

Так прошло некоторое время. Солнце заметно изменило своё положение, и Ржевский уже начал сомневаться, что правильно истолковал знак, но тут на дальнем краю поляны показалась человеческая фигура. Это была старуха в вылинявшем синем сарафане, простой рубахе небелёного холста и пёстром платке. Заметно прихрамывая, она тащила небольшую корзину с травами.

Ржевский не стал окликать старуху. Решил, что будет лучше, если она заметит его сама и, конечно, испугается, ведь этот испуг он сможет обернуть в свою пользу при расспросах. Пете поручик тоже запретил подавать голос, и так они сидели молча, пока старуха приближалась, однако никакого страха или удивления та не выказала. Скользнула по гостям безразличным взглядом и зашла в избушку, пробормотав что-то про медведя.

Ржевскому ничего не оставалось, как зайти следом, и вот тут хозяйка избушки, поставив корзину под стол, насторожилась и шумно втянула ноздрями воздух.

– Кто здесь? Дух незнакомый, – сказала она скрипучим голосом.

– Я не дух, я человек, – ответил Ржевский.

– Знаю, что не бес, – проскрипела старуха и вперила в гостя выцветшие серые глаза, но смотрела как будто сквозь него. – Запах, говорю, от тебя чужой.

– Так и есть, – ответил поручик. – Я здесь прежде не бывал.

– Значит, это ты дверь открыл? – спросила старуха. – А я сперва думала, что косолапый ко мне захаживал.

Судя по поведению и разговорам, она была слепая.

Меж тем Ржевский вспомнил, как Иван Щербина называл эту старуху:

– Ты бабка Агафья?

– Ну я. А тебя как звать? – Старуха чуть подумала и спросила иначе: – Как звать тебя, барин?

– Я где-то слышал, – задумчиво сказал Ржевский, – что если скажешь ведьме своё имя, она может навести порчу.

– Не хочешь – не говори. – Старуха пожала плечами. – Зачем пришли?

Она сказала «пришли», то есть речь шла о двоих.

Ржевский оглянулся и увидел, что Пети за спиной нет. Значит, он остался снаружи и не мог звуком шагов или за-

пахом пота выдать себя. Но если так, то откуда слепая старуха узнала, что гостей двое? Ведь она не заметила их раньше, сидящих на лавочке.

– От второго клопом лесным воняет, – пояснила старуха. – Даже отсюда его чую, – проскрипела она, нашарила табурет возле стола и уселась.

Ржевский снова оглянулся и увидел в дверном проёме, как Петя, стоя возле избушки, поспешно стаскивает с себя рубаху. Очевидно, клоп заполз за шиворот ещё в лесу, а теперь Петя нечаянно раздавил это вредное насекомое, и теперь пошёл «аромат», дойдя и до Ржевского.

– Про второго забудь, – ответил поручик, усаживаясь на лавку. – А вот у меня к тебе дело. Поговорить с тобой хочу.

– Ко мне для лечения ходят, а не для разговоров.

Ржевский сделал вид, что не услышал её замечание.

– Ты Полушу знаешь? Приходила она к тебе?

– Полуша? – старуха усмехнулась. – Голос такой звонкий, красивый.

– Да, она, – поручик подался вперёд и даже кивнул, лишь после сообразив, что слепая не видит кивка.

– Приходила, – старуха снова усмехнулась. – На той неделе у меня была. Уговорились на счёт... Да ты небось сам знаешь?

– Не увиливай, ведьма, – строго сказал Ржевский, вспомнив следовательские приёмы Тасеньки. – Рассказывай всё, как было. Подробно.

– От плода она хотела избавиться, – проскрипела знахарка. – Сказала, что от барина понесла, но рожать не хочет. Я её спрашиваю: «Молвы боишься?» Она отвечает: «Я сирота без приданого, да ещё дворовая – в поле работать непривычна, да и не хочу. Никто меня замуж не возьмёт. А раз так, молва не страшна». Я дальше спрашиваю: «Коли ты дворовая, чего тебе не рожать? И дитё, и сама сыты будете да в тепле. Или у тебя барин злой?» Она говорит: «Нет, барин добрый».

Поручик невольно улыбнулся, а знахарка продолжала тем же скрипучим голосом:

– Я спрашиваю: «Может, барыня злая?» Она говорит: «Нет барыни. Барин один в усадьбе живёт». Я спрашиваю: «Зачем же от плода избавиться хочешь? Живёшь, как у Христа за пазухой. Вот и рожай на здоровье». Она говорит: «Нет. Барин добрый да ветреный. Пока я с брюхом ходить буду, он себе другую найдёт. А после вспомнит ли?»

На этих словах у Ржевского ёкнуло сердце, как тогда, на краю поляны. «Дура, Полушка, – подумал он. – Лучше б ты колдовать взялась. Украла бы у меня рейтузы или ещё чего, чтоб приворот делать, как Бобричевы дочки. Зато сейчас я бы тебя по лесам не искал. А ты что удумала? Дура!»

Знахарка меж тем говорила:

– Я спрашиваю: «Отчего ж не вспомнит?» Она мне: «Многих баб роды портят. Были красавицы – стали коровы. Ежели и со мной так будет, то лучше смерть. Барин совсем забудет, а я люблю его».

«Лучше смерть?» – насторожился Ржевский, а знахарка, не видя его лица, опять усмехнулась:

– Значит, ты тот барин и есть?

– А Полуша где?! – вскричал поручик, вскакивая на ноги.

– Что ты горланишь? – заворчала знахарка. – Я слепая, а не глухая. А где Полушка твоя, тебе видней.

– Это почему?

– Потому что уговорились мы с ней на вчерашний день. Вчера она должна была ко мне прийти, но не пришла. Я уж подумала: «Слава Богу, передумала дурёха». А на сегодня я ни с кем не уговаривалась. Повезло тебе, барин, что ты меня застал. Я хотела на целый день в лес уйти, но нога разнылась. Пришлось воротиться.

Ржевский было обрадовался всему услышанному, но опять вспомнил Тасеньку и её недоверчивый взгляд, когда она вела расспросы.

– А может, ты врёшь, ведьма? – строго спросил поручик, снова усаживаясь на лавку.

– В чём же соврала?

– В том, что Полуши вчера здесь не было. Может, она приходила? Может, по твоей милости ей плохо стало? Может...

– Ржевский собрался с духом и продолжил: – Может, умерла она, а ты её зарыла где-нибудь неподалёку, а теперь мне зубы заговариваешь?

– Я старуха немощная, – ответила знахарка. – Где мне силы взять, чтоб яму вырыть? Даже тело утащить подальше и

то не смогла бы. Корзинку еле тягаю.

– А может, есть у тебя какой-нибудь леший в помощниках?

Знахарка в который раз усмехнулась.

– Барин, я кто, по-твоему? Баба-яга костяная нога? – Она приподняла край сарафана и показала обычные старушечьи ноги в онучах и лаптях. – Как мне с лешим договориться? Я, когда за травами да кореньями хожу, он не всегда даёт, хотя это малость. А вот яму вырыть – услуга большая. Как же я буду просить? Да он ни за что не согласится.

В этих рассуждениях Ржевский увидел нестыковку.

– А как ты по лесу одна ходишь, без провожатого, если слепая?

– А ты поживи здесь с моё – все деревья на ощупь знать будешь, – ответила старуха. – Да и не совсем я слепа. Свет от тени отличаю. Цвета вижу.

Поручик задумался, что бы такое ещё спросить, чтобы вывести старуху на чистую воду, но тут вмешался Петя. Судя по всему, он уже успел избавиться от вонючего клопа, и даже слышал часть разговора.

– Но как вы здесь живёте совсем одна? – спросил Петя, входя в избушку. – У вас даже огорода нет. Что вы едите?

– Еду мне из деревни носят, – ответила знахарка. – В плату за лечение. Денег я не беру, но цену назначаю – говорю: «Принесёшь мне еду столько-то раз. А не принесёшь, лечение впрок не пойдёт». Потому я и забочусь, чтоб от моего

лечения не помирали. Кто ж мне тогда еду носить станет! Живу – не голодаю. А лишнего мне не надо. Кто от лишнего отказался, тому и лишений терпеть не придётся.

– Это же слова Канта! – воскликнул Петя. – Дословно: «Кто отказался от излишеств, тот избавился от лишений».

– Опомнитесь, юноша, – сказал ему Ржевский. – Вы даже с ведьмой готовы Канта обсуждать?

– А что с юношей? – оживилась старуха. – Бесноватый?

– Да вроде того, – ответил поручик. – Помешанный. На книжках одного немецкого мудреца помешался. Поминает его к месту и не к месту. Слово мудреца то и дело в свой разговор вставляет. И не замечает, что надоел всем до чёртиков.

– Умному человеку Кант не может надоест. . . – начал было Петя.

– Тебя как звать, болезный? – спросила старуха с особенной жалостливой интонацией, и «бобрёнок» вдруг оцепенел.

– Пётр, – ответил он прежде, чем Ржевский успел вмешаться. Увы, Петя не знал, что ведьма может навести порчу, если назвать ей имя.

– Поди сюда, раб Божий Пётр, – сказала знахарка, всё так же сидя на табурете и выставя вперёд руки.

Как только Петя оказался в пределах её досягаемости, она схватила его за одежду, а затем заставила наклониться, пригнула его голову к себе и начала что-то горячо нащёптывать в правое ухо, а затем в левое.

– Эй! Ведьма! Ты что делаешь? – всполошился Ржевский.

Он ринулся к Пете и пытался оттащить, но тот как будто прирос к полу, а старуха шептала всё горячее и громче.

«Колдовство! Как есть колдовство!» – думал поручик, изо всей силы дёргая Петю за пояс, но с таким же успехом можно было пытаться сдвинуть с места молодой дуб. Гнётся, но не сдвигается.

Наконец старуха отпустила голову своей жертвы, Петя выпрямился и рассеянно сказал:

– Пойду, воздухом подышу. Что-то голова кружится.

– Ты что сделала?! – напустился поручик на знахарку.

– Теперь он свои мысли в узде держать будет, – ответила та и добавила: – Я и тебя могу полечить.

– От чего? – не понял Ржевский. – Болезней, которые богиня Венера посылает, у меня нет. Я проверялся.

– Разум твой вылечу. Ты же и сам вроде помешанного. За бабами бегаешь, всё никак остановиться не можешь. Вот я тебе и помогу остановиться. Только скажи, как звать тебя.

– Нет! – Ржевский даже отшатнулся. – Не надо меня лечить!

– Не хочешь – как хочешь. Хотя все твои беды от этого. Не был бы ветреником, Полушку сейчас не пришлось бы искать.

– Теперь в любом случае искать придётся, – ответил поручик.

– Идти за тридевять земель в тридесятое царство, – нараспев проговорила знахарка.

– Чего?

Старуха пояснила всё так же непонятно:

– Ты, добрый молодец, проверь, не утащил ли твою красну девицу Кощей.

– Что за Кощей?

– Почём мне знать. – Знахарка пожала плечами. – Но ежели красна девица пропала, то обычно Кощей виноват.

Ржевский не знал, как это истолковать. Смеётся ли над ним старуха или пытается помочь? Он на всякий случай вновь напустил на себя строгость.

– Я проверю. Но помни, ведьма: если не найду красну девицу, то вернусь и тогда совсем по-другому с тобой поговорю.

– Нечего меня пугать, – проскрипела знахарка. – Я тут буду. Стара я слишком, чтобы в чаще по шалашам да землянкам прятаться. Кости ноют без тёплой печки, так что никуда я от своей избушки не денусь.

* * *

Как только Ржевский вышел из избушки, к нему обратился Петя:

– Ну что, Александр Аполлонович? Что сказала знахарка?

– А ты разве сам не слышал?

– Нет, я, честно говоря, не слушал. Я вытаскивал из рубашки некое зелёное и ужасно вонючее насекомое.

– Лесного клопа.

– Наверное. Но что сказала знахарка? Полуша к ней при-

ходила?

Получалось, что Петя не помнил, как заглянул в избушку, и что ведьма над ним поколдовала, поэтому Ржевский, подумав, решил никому не говорить о случившемся. В том числе самому Пете.

Поручик, взяв «бобрёнка» с собой к ведьме, в некотором роде принял на себя ответственность за него. И не уследил. Но последствий могло и не наступить.

«Может, ничего», – думал Ржевский. Забот и так хватало, и поручику совсем не хотелось, чтобы его попрекали просто из-за того, что старуха чего-то там над Петей пошептала. «Может, обойдётся. Может, старуха вовсе не умеет колдовать, а только думает, что умеет. Ну, пошептала. И что?»

Петя не выглядел странным или заколдованным, если не считать того, что не помнил событий, произошедших в последние несколько минут. Значит, были неплохие шансы, что последствий у шептания не будет, а если и будут, то сами собой пройдут. А раз так, то незачем кому-то что-то говорить и зря волновать людей.

Размышляя таким образом, Ржевский следовал по лесу за мальчишкой-проводятым, а Петя шёл позади поручика и молчал.

Наконец они достигли деревни и вернулись на двор Ивана Щербины. Тасенька встретила их у ворот.

– Как Полуша? – спросила она.

– Её там не было, – ответил Ржевский. – Ведьма... то есть

знахарка... сказала, что Полуша должна была к ней вчера прийти и не пришла. У меня нет оснований думать, что знахарка солгала. Она слепая древняя старуха и, если бы Полуша у неё в избушке умерла, у старухи не хватило бы сил спрятать тело. А помогать ей некому. Одна живёт.

– Не совсем одна, – подала голос невестка Ерошки, Алевтина, которая тоже вышла во двор встречать барина с барчуком. – Есть у неё внучка. Маринкой звать. Вместе с бабкой живёт, мастерство перенимает.

– Обманула ведьма! – вскричал Ржевский.

– Этой Маринке лет шестнадцать, – продолжала Алевтина, – но худая как щепка, ручки – палочки. У неё тоже сил не достало бы, чтобы тело оттащить да прикопать. Полуша-то небось не лёгенькая, отъелась на барских харчах.

Поручику было неприятно, когда так рассуждают о Полуше, но он поленился тратить силы, чтобы учить чужих крепостных почтительности. Да и слова крестьянки звучали обнадёживающе.

– Считай, ведьма тебя почти не обманула, барин, – заключила Ерошкина невестка. – А отчего про внучку тебе не сказала, не знаю. Может, боялась, что ты Маринку из лесу сма니шь?

Ржевский вспомнил, как старуха настойчиво предлагала ему «лечиться», и подумал, что в догадке есть своя правда. Но сейчас было важнее другое.

– Что же теперь делать, Таисия Ивановна? – спросил

Ржевский. – Может, вернуться и ещё раз эту ведьму расспросить? Может, она признается, что Полушу сгубила?

– А может, на Полушу в лесу медведь напал? – предположил конюх Ерошка, также подошедший встретить своего барина и Петю. – Может, взять собачек да пройти по лесу той дорогой, которой Полуша к ведьме шла?

– Резонно, – согласился Ржевский и снова повернулся к Тасеньке. – Таисия Ивановна, если вы не возражаете, то сейчас мы вернёмся ко мне в усадьбу, заберём вашу бабушку и поедем к Бобричам, но на обед я не останусь. Ерошка дело говорит. Надо бы лес прочесать.

Тасенька заметно погрустнела.

– Конечно, – сказала она. – Обязательно сообщите мне об итоге поисков. И если они ничего не дадут, не опускайте руки. Мы с вами вместе что-нибудь придумаем. Ещё не все версии проверены, и если версия с медведем отпадёт, мы возьмёмся за другие.

Кучер Тасенькиной коляски, уже давно скучавший, встрепенулся и начал осматривать упряжь, готовясь тронуться в путь. Ерошка любезно решил сделать то же самое в отношении Петинной кобылы, запряжённой в таратайку, потому что своего кучера у младшего Бобрича не было. Алевтина, её муж и дети принялись сгонять кур и гусей в загон, чтобы, когда экипажи тронутся, ни одна из птиц случайно не оказалась раздавлена и не выбежала на улицу, а Ржевский, не желая толкаться со всеми во дворе, вышел за ворота.

* * *

Кажется, богиня Фортуна, насмотревшись на страдания поручика в гостях у ведьмы, решила сделать ему подарок. Ведь именно в то время, когда он стоял на улице, к колодцу возле церкви подъехала дама в двухколёсном экипаже без кучера.

Дама будто нарочно путешествовала одна, как если бы хотела сказать возможным поклонникам «знакомьтесь со мной без помех», а экипаж, запряжённый гнедым жеребцом, всеми своими изящными линиями и формами говорил о том, что хозяйка должна быть под стать. Дамы в шесть пудов² весом на таких лёгких экипажах не ездят.

Поручик невольно, просто по многолетней привычке, начал вглядываться, но поначалу разглядел мало – лишь то, что у дамы белая, что называется «алебастровая», кожа, а волосы черны как смоль.

Меж тем дама выпорхнула из экипажа и, сворачивая в руках хлыст, крикнула проходящему мимо мужику:

– Эй, холоп! Достань мне воды.

Говорила она с заметным польским акцентом, и Ржевскому это показалось волшебным-манящим. Поручик ринулся вперёд, потеснил мужика, уже взявшегося за рукоять колодезного ворота, и произнёс:

– Мадам, позвольте мне.

---

² Пуд – около 16 кг.

Знахарка-ведьма, узнав о таком поступке Ржевского, сказала бы: «Лечиться тебе надо!» Как можно, разыскивая женщину, которой дорожишь, думать о том, чтобы ухаживать за другой? Но Ржевский именно про это и думал, а когда взглянул на незнакомку, то забыл обо всём на свете кроме неё. Она оказалась удивительно хороша.

Это была красота портрета, когда художник, взяв за основу образ живой женщины, пишет фантазию, заменяя некоторые изъяны живого лица идеальными чертами. Смотришь на такой портрет и говоришь себе: «Эх, богиня! Но быть такого не может». И вот перед Ржевским предстала живая картина, которая сверкнула чёрными озорными глазами, едва заметно двинула правой бровью и сказала с очаровательным польским акцентом:

– Что ж. Позволяю.

Ржевский достал из колодца полное ведро воды, а красotka меж тем, не снимая замшевых перчаток, полезла в сумочку-мешочек, болтавшуюся у неё на руке, и достала серебряный стакан.

Зачерпнув воды из ведра, дама стала пить, а поручик открыто любовался ею, и тут подтвердилось недавнее предположение, что незнакомка, несмотря на свои идеальные черты богини, вовсе не неприступна.

– Что вы так смотрите? – кокетливо спросила она, и акцент будто усилился.

– Восхищаюсь могуществом Творца, мадам, – ответил

Ржевский. – Кажется, я никогда не видел более совершенно-го творения, чем то, которое мне посчастливилось увидеть в вашем лице.

– Только в лице? – спросила дама.

Ржевский оглядел всю её фигуру. Поистине богиня! Ростом не маленькая, но и не высокая, а что называется «в самый раз». Грудь и бёдра пышны ровно в той степени, чтобы не показалось мало, но и не тяжелы.

– Не только, мадам! – с жаром воскликнул поручик. – Фигура ваша также совершенна! И хотя она скрыта покровами, но я уверен, что даже в самых потаённых уголках всё идеально. Могу ли я надеяться, что когда-нибудь увижу вас во всём великолепии?

– А вы действуете решительно! – дама улыбнулась.

Зубы у неё были ровные и белые, словно морской жемчуг. Лишь два верхних, именуемые клыками, были остренькими, хоть и не длиннее прочих. Ржевскому это о чём-то напомнило, но думать было некогда.

– Я всегда действую решительно! Кстати, позвольте представиться: Ржевский Александр Аполлонович, поручик в отставке.

– Ржевский? Кажется, я о вас слышала, – сказала дама, и теперь поручику показалось, что её речь из-за польского акцента похожа на шипение. Впрочем, это всё равно звучало мило! А красотка продолжала шипеть: – Да, точно слышала, но не могу вспомнить, что мне о вас говорили.

– Я в некотором роде знаменитость, – Ржевский подобрался и встал по стойке смирно, насколько это возможно с ведром в руках.

– Чем же вы знамениты?

– Если я скажу, вы мне не поверите. Я лучше покажу... попозже.

– Вы меня заинтриговали! – сказала дама и представилась сама: – Барбара Крестовская-Костяшкина.

Услышав фамилию, Ржевский тут же вспомнил своего недавнего гостя, хотевшего купить Полушу.

– А господин Владислав Крестовский-Костяшкин ваш брат?

– Муж.

Поручик попытался решить для себя, хорошо или плохо то, что красотка замужем. Однако она в порыве внезапной откровенности пояснила всё сама:

– Хотя это не муж, а одно название. Внимания от него нет, помощи нет. Устроил у нас в имении театр, где играют наши крепостные, и всё время посвящает им, тратит на них очень много денег. И ничем не интересуется кроме своего театра!

– Ничем? – Поручик повторно оглядел грудь и бёдра дамы: – Как же это возможно, когда вокруг столько интересного? – Он ещё раз глянул на грудь.

– А вот так. – Барбара вздохнула. – Всё управление имением на мне. О доходах думаю только я. Если бы не я, мы с мужем давно бы разорились.

– Ужасно! – Ржевский постарался вложить в этот возглас побольше сочувствия, но получилось с трудом, ведь поручик внутренне ликовал.

– Я и сейчас не на прогулке, – продолжала жаловаться дама, зажав под мышкой хлыст и убирая серебряный стакан обратно в сумочку. – Ездила по делу. Договаривалась о покупке мёда. У нас в имении винокуренный заводик, а мёд нужен, чтобы делать крупник. Крупник это...

– О! Я знаю! – радостно подхватил Ржевский, оставив, наконец, ведро. – Это ликёр на меду и травах. Очень вкусно. Жаль, что в наших краях его редко встретишь.

– Вы ценитель?

– Да. Пригласите на дегустацию?

– Приезжайте хоть завтра, – дама кокетливо улыбнулась.

– Завтра? Я думал, крупник готовится месяц.

– Предыдущая партия уже готова.

Всё шло как нельзя лучше, но именно в это время со двора Ивана Щербины выехала коляска, в которой сидела Тасенька, а кучер, повинуясь указаниям Ерошки, остановил экипаж как раз возле колодца.

Тасенька, проявляя такт, ничего не сказала поручику и старалась смотреть в сторону. Она так талантливо играла безразличие, что можно было подумать, будто коляска остановилась здесь случайно. Но всё испортил Ерошка:

– Что, барин, едем?

– Кто это? – спросила Крестовская-Костяшкина почти ле-

дяным тоном. И, разумеется, имела в виду не Ерошку, а Тасеньку.

– А это... это... это... – Ржевский не решался сказать: «Это мой друг Таисия Ивановна». Поручик сильно сомневался, что прекрасная полячка верит в возможность дружбы между разными полами. Одно слово могло стать роковым и перечеркнуть все успехи, недавно достигнутые на польском фронте, но тут из ворот выехал Петя в своём экипаже.

– А вот, кстати, и жених её, – облегчённо выдохнул Ржевский.

– Жених? – Голос Крестовской-Костяшкиной потеплел.

– Да, – небрежно ответил поручик. – А я так – друг семьи. – Он выдержал небольшую паузу. – Вы не шутили на счёт дегустации? Завтра я бы с радостью приехал.

– Приезжайте к четырём часам. Буду ждать.

– А муж?

– Я ему скажу, что вы приедете. Но он вряд ли запомнит. Слишком увлечён своим театром. Ставит новую пьесу, но я даже не знаю, о чём она. Он всё держит в секрете.

Крестовская-Костяшкина стянула с левой руки перчатку, и Ржевский, с величайшим почтением взяв руку красотки в свою, приник губами к основанию пальчиков.

– До свидания, мадам.

* * *

Когда коляска выехала из деревни, Тасенька всё равно не

спросила, с кем Ржевский беседовал у колодца. Поручик тоже не видел смысла объяснять и молчал, а затем, чтобы прервать неловкую паузу, обратился к Ерошке, который всё так же сидел на облучке рядом с кучером:

– Слышь, Ерошка, а почему деревня называется Пивуны? Там есть кабак?

– А чего сразу кабак? – заворчал Ерошка. – Там рядом с церковью колодец. Ты сам видел, барин. А вода в нём вкусная. Все прохожие и проезжие останавливаются, чтоб испить. Потому и Пивуны.

Тасенька оставалась задумчивой и даже печальной, поэтому Ржевский всё-таки решил с ней заговорить:

– Простите, Таисия Ивановна, что завёз вас в такую даль, а в итоге на два с половиной часа оставил на крестьянском дворе. Вы, должно быть, надеялись на более интересную прогулку? И на большее внимание с моей стороны? Хоть мы и не пара сбежавших влюблённых, но меня это не извиняет. Я должен был заботиться, чтобы вы не скучали.

– Что вы, Александр Аполлонович! – Тасенька сразу оживилась. – Я прекрасно съездила. Да, в доме у Алевтины мне сначала было неудобно, но после, когда вы ушли, мы с ней разговорились, и я столько всего узнала о деревенской жизни! Это же так интересно! Почти как у Гёте, только на русский манер.

– А что у Гёте? – не понял Ржевский, который и про самого Гёте знал только от Тасеньки.

– Ах да. Вы же не читали, – спохватилась она. – У Гёте всякие черти, ведьмы, колдовство...

– Но вы же не верите в чертовщину.

– Ну и что? – Тасенька пожала плечами. – Читать всё равно интересно. А когда встретишь кого-нибудь, кто говорит, что своими глазами видел всякие чудеса, это такой восторг! А в деревне почти каждый что-то видел или слышал.

– И вы слушали деревенские байки?

– Это не байки, а народное творчество, – наставительно сказала Тасенька и продолжала: – Например, я спросила у Алевтины, для кого возле крыльца стоит мисочка. Она говорит: «Для домового». Я думала, это шутка. Но Алевтина в самом деле верит, что домовый превращается в ужа и ночью приходит пить молоко, которое она ему вечером наливает.

– Это кот приходит, – предположил Ржевский.

– Там нет кота, – возразила Тасенька.

– Значит, соседский кот.

– А Алевтина верит, что домовый, – упёрлась Тасенька. – И, кстати, над ней в деревне многие посмеиваются и говорят, что домовый никак не может превратиться в ужа. Вы понимаете, что это значит? – Тасенька ещё больше распалилась. – Что в деревне все-все верят в домового. Это же так мило! А сама Алевтина родом не отсюда, из другой деревни, с севера губернии. И вот там все верят в ужей-домовых!

– Значит, вы действительно не скучали, – констатировал поручик, глядя на повеселевшую собеседницу, которая всё

не умолкала:

– А ещё, пока вас не было, заходила соседка Алевтины и между прочим рассказывала, как сама видела домового. Но он был не ужом, а в человеческом образе.

– Как же она поняла, что перед ней домово́й?

– А вот слушайте. Соседка очень хотела увидеть домового, поэтому ночью вышла из избы и спряталась в сарае под яслями. Ясли – это такая кормушка для скота, – на всякий случай пояснила Тасенька. – Так вот сидит соседка под яслями, и вдруг дверь скрипнула. Вошёл её муж с лучиной, осмотрел всю скотину, лучину погасил и полез на сеновал. Затем дверь снова скрипнула. Заходит ещё кто-то, в темноте было не разглядеть. Соседка слышала только голос, женский, который спросил: «Ты здесь?» Муж шепчет: «Здесь. Лезь на сеновал». А дальше... на сеновале началось такое... – Рассказчица засмушалась и покраснела.

– А домово́й-то когда появился? – не понял Ржевский.

– Муж и был домовым, – ответила Тасенька. – Точнее – это был домово́й в образе мужа. Всё выяснилось утром, когда соседка вернулась в избу, взяла скалку и хотела мужа бить. А он клялся, что в сарай не ходил и всю ночь в избе спал. Соседка не поверила, но домашние подтвердили, что он в избе спал. И потому все решили, что она видела домового, который принял облик хозяина дома. А с кем он на сеновале был – с домовихой или с ведьмой, – это уже не известно.

– Таисия Ивановна, вы верите, что это был домово́й? –

спросил поручик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.